

РУССКІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Статья Лежана).

I.

Въ то время, какъ вся иностранная печать глубоко взволнована движениями русскихъ въ Средней Азійи, и нѣкоторая часть ея проповѣдуетъ энергическое вмѣшательство британскаго правительства противъ расширенія власти въ этой странѣ, толкуя наступательныя дѣйствія русскихъ въ смыслъ ненаасытнаго стремленія Россіи къ завоеваніямъ и къ распространенію своего могущества на Востокъ, мы съ удовольствіемъ прочли безпристрастный отзывъ объ этомъ предметѣ французскаго публициста, который, послѣ довольно подробнаго изложенія хода событій въ центральной Азійи и всесторонняго обсужденія побужденій, заставившихъ русскихъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, излагаетъ факты, доказывающіе благодѣтельные результаты вторженія русскихъ въ глубь этихъ варварскихъ владѣній не только для среднеазійскихъ племенъ, обитающихъ на рубежѣ остындскихъ владѣній Англіи, но и для государственныхъ и торговыхъ интересовъ всей Европы. Вотъ эта статья, извлеченная нами изъ «Revue de deux Mondes».

Важныя событія, уже годъ какъ совершающіяся въ Европѣ, не на столько поглотили однако общее вниманіе, что бы для него прошли незамѣченными факты, совершившіеся въ Средней Азійи, и глубоко измѣнившіе политическое положеніе этой части Востока. Лѣтъ тридцать тому назадъ, подобное же положеніе дѣлъ распространило въ Индіи панической страхъ, побудившій англичанъ предпринять, для ослабленія успѣховъ Россіи, необдуманную и несчастную, по своимъ результатамъ, экс-

педицію въ Афганистанъ. Теперь же, судя по общему тону англоиндійской печати, движеніе русскихъ армій вдоль Окса и присутствіе ихъ въ ста пятидесяти миляхъ отъ границъ Индіи, повидимому, не слишкомъ тревожатъ Англію; даже менѣе тревожатъ ее, чѣмъ Францію. Не доискиваясь причинъ этой перемѣны, я попытаюсь только доказать три явленія, въ которыхъ твердо убѣжденъ: — вопервыхъ, вторженіе русскихъ въ Туркестанъ и покореніе этой страны, есть дѣло законнаго самосохраненія; вовторыхъ, оно ни мало не угрожаетъ интересамъ Европы или англійскимъ владѣніямъ въ Индіи, и, наконецъ, втретьихъ оно не только не составляетъ бѣдствія для покореннаго населенія, но, напротивъ, открываетъ единственный путь спасенія этимъ племенамъ, неспособнымъ самостоятельно организовать и управляться.

Когда, три вѣка тому назадъ, Россія окончательно освободилась отъ татарскаго владычества, и уничтожила вдоль Волги послѣднія государства, образовавшіяся изъ монгольскаго царства, она вдругъ увидѣла себя призванною, почти обязанною, завоевать половину Азіи. Кочевыя племена, отброшенныя за Уралъ, униженныя и раздраженныя, долго еще питали надежду возвратить утраченное, а Россія не была еще въ ту пору такимъ громаднымъ государствомъ, какимъ она является намъ, въ настоящее время, на картѣ Европы. Но, несмотря на то, знаменитая *Золотая Орда* исчезла съ лица земли. Отъ нея остались только разсѣянныя племена, безъ всякой политической связи; они отказались отъ войны и ограничились набѣгами и грабежомъ, первымъ условіемъ кочевой жизни. Такимъ образомъ, киргизы (общее, но неточное, названіе, даваемое тремъ большимъ ордамъ, которыхъ настоящее національное имя *казаки* или *кайсаки*) сдѣлались весьма безпокойными соеѣдами для русскихъ подданныхъ, населявшихъ приуральскій край, т. е. для калмыковъ, казаковъ и оренбургскихъ поселенцевъ. Что бы защитить это мирное населеніе, Россія нашлась вынужденною идти далѣе и далѣе, и завоевывать одинъ край за другимъ, что бы прикрывать уже завоеванное. Три орды были разбиты одна за другою въ бесплодныхъ степяхъ, и, что бы обезпечить безопасность своихъ восточныхъ провинцій, русскіе должны были протянуть линію укрѣпленныхъ постовъ отъ Оренбурга до Байкала, т. е. на протяженіи, равномъ разстоянію отъ Петербурга до Барселонны. Вотъ какова была, 30 лѣтъ тому назадъ, русская граница со стороны такъ называемой Независимой Татаріи. Была ли эта граница только временною, въ умѣ русскаго правительства; обозначала ли она только отдыхъ въ завоеваніи Турана?—До 1850 г., мы не видимъ ничего такого, что показывало бы намѣреніе императора Николая I продолжать завоеванія на югѣ. Русскія арміи проникали до хорошей рѣки, до Сыръ-Дарьи и до Аральскаго моря, но эти успѣхи еще не сулили тогда того, что они потомъ дали. Сыръ—рѣ-

ка извилистая, полная мелей и неудобная для плаванія; что же касается Аральскаго моря, то оно было окружено со всѣхъ сторонъ песчаными степями (*Кизилькумь*), и не представляло ни одной точки для колонизаціи. Даже когда то плодоносныя равнины Ургенда, окружавшія его съ юга, обратились, при варварскомъ правительствѣ хивинскихъ узбековъ, почти въ такую же пустыню, какъ и весь этотъ край. Создать флотилію на Аральскомъ морѣ стоило бы огромныхъ суммъ, потому что строить на мѣстѣ было невозможно, и пришлось все привозить на верблюдахъ, черезъ степь, простирающуюся на триста миль. Такимъ образомъ все осталось бы въ прежнемъ видѣ на долгія времена, если бы неосторожность и неисправимое варварство туркменскихъ хановъ не навлекли на нихъ роковымъ образомъ отдаленной грозы. Попытаемся представить картину этого варварскаго міра, уже на половину поглощеннаго Россіею; тогда увидать, можно ли сожалѣть объ уничтоженіи такого порядка вещей, и осуждать державу, рѣшившуюся ниспровергнуть и измѣнить его.

Средняя Азія раздѣлена въ настоящее время, какъ и болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, между двумя племенами, весьма различными по своей судьбѣ, способностямъ и энергіи, между иранцами и туранцами, или, употребляя названія, болѣе извѣстныя читателямъ, между персіянами и татарами. На этихъ высотахъ, колыхавшихъ челоуѣческой расы, ведется вѣчный споръ между осѣдлымъ и цивилизованнымъ земледѣльцемъ и кочевымъ, необузданнымъ и хищнымъ сыномъ степей. Съ тѣхъ поръ, какъ этнографическія изслѣдованія помогли рѣшить много историческихъ вопросовъ, всякому стало извѣстно, что иранцы и индусы суть старшія вѣтви арійской расы, къ которой принадлежатъ почти всѣ европейскіе народы. Къ иранской группѣ принадлежатъ не только новѣйшіе персіяне (хотя и непризнающіе инаго національнаго и общаго названія), но и рядъ народовъ на прострѣствѣ Азіи до степей западнаго Китая, которые, не имѣя никакой политической связи съ Персіею, говорятъ однако древнимъ персидскимъ языкомъ, болѣе или менѣе съ примѣсію турецкаго или тибетскаго. Сосѣдніе турки, имѣющіе, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, наклонность къ обобщенію, называютъ всѣхъ иранцевъ, отъ Тигра до Окса, общимъ именемъ *таджиковъ*, происхождение и значеніе котораго объясняются различно. Характеристическая черта таджикскаго племени состоитъ и теперь, какъ отъ самой глубокой древности, въ наклонности къ осѣдлости и земледѣлію; въ этомъ состоятъ ихъ глубокое различіе съ селитами, которыхъ кочевые и предпримчивые инстинкты вѣрно характеризованы Мохамедомъ, сказавшимъ при видѣ плуга: «Всюду, куда проникаетъ это орудіе, оно приноситъ съ собою позоръ».

Между таджиками, живущими на равнинѣ, и туранцами, ко-

чующими по степямъ и по соленой пустынь, при всякой встрѣчѣ, возгарается война. Пока древняя Персія была цивилизована и могущественна, ей удавалось обуздывать голодные орды хищниковъ, грозившихъ ей нападеніемъ; но побѣды Кира не имѣли такихъ результатовъ, которые можно было бы сравнить съ быстрыми, и, въ то же время, прочными успѣхами молодого арбельскаго побѣдителя. Александръ, съ нѣсколькими тысячами ветерановъ, основалъ великую греческую колонію, сдѣлавшуюся зерномъ Бактрійскаго царства, которое было, въ продолженіе пяти вѣковъ, передовымъ постомъ греческой цивилизаціи въ Верхней Азіи. Въ свою очередь, ослабѣли и греки; перевѣсъ кочевыхъ племенъ заявляется учрежденіемъ въ Персіи Пароскаго государства; Бактрія и греческія государства на Индѣ исчезаютъ, наводненные ордами скивоовъ; Средняя Азія становится жертвою самой дикой анархіи, и появившемуся исламизму достаточно было менѣе десяти лѣтъ для того, что бы пронести свое знамя отъ Ктезиона до Самарканда.

Съ Халифами послѣдовало тоже, что и съ Селевкидами, которыхъ они смѣнили: ихъ наскоро сколоченное царство распалось на части, при первомъ сильномъ ударѣ, и обломки его были на столько значительны, что образовали сильныя государства. Однимъ изъ главныхъ была Фергана, включавшая въ себѣ, во времена крестовыхъ походовъ, самые богатые, населенные, промышленные и просвѣщенные города: Самаркандъ, Бухару и Ургендъ, которыхъ богатство описано въ пышныхъ выраженіяхъ у Эдризи и у всѣхъ средневѣковыхъ арабскихъ поэтовъ. Въ Ферганѣ господствовало монгольское племя, узбеки, которыхъ удачная попытка сдѣлала наслѣдниками цивилизованныхъ властителей древней Бактріи. Съ узбеками случилось тоже, что уже не разъ случалось съ дикими народами, покорявшими себѣ народъ, извѣщенный цивилизаціею: вступивъ въ долину Окса съ привычками и вкусами дикой жизни, они были преобразованы, и втянуты тою цивилизаціею, которую повидимому пришли истребить. Это счастливое преобразование дважды задерживалось знаменитою въ исторіи Азіи революціею: оставшіеся въ степи кочевые монголы нахлынули, съ начала подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, а потомъ Тимура, на западную Азію, и узбеки стали первою жертвою этого страшнаго нашествія. Ихъ города были разграблены; ихъ мечети и училища обращены въ конюшни, и сами они отброшены въ пустыню, гдѣ опять впали въ прежнее варварство и нищету. Монгольское царство просуществовало еще менѣе царства халифовъ. Въ концѣ XV вѣка, изгнанные узбеки получили возможность возвратиться въ Хиву и въ Бухару, но они уже не принесли туда почти никакого слѣда своей первой мимолетной цивилизаціи. Они уже не могли отказаться отъ анархіи, грабежа и насилія, съ которыми свыклись въ продолженіе почти четырехъ вѣковъ, и нѣтъ ничего однооб-

разнѣ исторіи ханствъ: Хивы, Кокана, Бухары и Кондуца въ послѣднія триста лѣтъ. Деспотическія правительства, междоусобныя войны по смерти каждаго эмира, отравленія, измѣны, возстанія мелкихъ феодальныхъ правителей, хищническія набѣги, подѣ именемъ ви́шнихъ войнъ,—вотъ все, чѣмъ наполнены эти печальныя страницы до того дня, какъ необузданная опрометчивость узбекскихъ хановъ привела ихъ въ столкнове́ніе съ русскимъ правительствомъ. Что бы вѣрнѣе изложить характеръ и значеніе этой ожесточенной борьбы, необходимо дать ясное понятіе о политическомъ и общественномъ положеніи туранскихъ государствъ. Мы ограничимся въ нашемъ описаніи однимъ Бухарскимъ ханствомъ, во первыхъ потому, что оно одно противустоитъ еще теперь Россіи, и, вторыхъ, такъ какъ организація всѣхъ четырехъ ханствъ одинаковая. Довольно описать одно, что бы узнать всѣ.

Бухара, которой вся восточная сторона еще совершенно неизвѣстна европейскимъ географамъ, имѣетъ естественными границами передовый кряжъ, окружающій Памирскую нагорную долину, и простирается отъ востока къ западу вдоль двухъ большъ хъ рѣкъ, идущихъ параллельно, Зераикана (серебряная рѣка) и Чехръ-и-Забза, между которыми есть то общее, что, истощенныя многочисленными каналами, прорытыми прибрежными жителями, обѣ кончаются небольшими озерами, прежде чѣмъ вливаются въ Оксъ, къ которому онѣ направляются. Эти рѣки, неудобныя для навигаціи, полезны для земледѣлія, которое довольно усовершенствовано на ихъ берегахъ. Пахатныя земли въ этихъ мѣстахъ, ежегодно удобряемыя разливомъ, перерѣзанныя оросительными каналами и множествомъ ручьевъ, бѣгущихъ съ горъ, могутъ поспорить въ плодородіи съ лучшими частями Средней Азіи; но за Бухарою и Карши горы прекращаются, уступая мѣсто песчанымъ, бесплоднымъ холмамъ; черноземъ смѣняется пескомъ; воды исчезаютъ; это степь, песчаная *желтая степь*, естественная граница, противопоставленная, какъ честолюбію бухарскихъ эмировъ, такъ и нападеніямъ, угрожающимъ имъ со стороны Хивы и Персіи. Однако, постоянно возрастающая власть афганскихъ султановъ въ Кабулѣ убѣдила бухарскихъ хановъ въ необходимости обезпечить за собою часть рѣки Окса, и они заняли вдоль этой рѣки рядъ небольшихъ укрѣпленныхъ городовъ: Термезь, Килифъ, Хардаунъ. Послѣдній пунктъ далъ имъ господство на большой караванной дорогѣ между Туркестаномъ и Персією, а слѣдовательно и надъ транзитною торговлею значительной части Верхней Азіи.

Все Бухарское ханство занимаетъ не болѣе пяти тысячъ шести сотъ квадратныхъ миль, по увѣренію русскаго путешественника, г. Ханькова, объѣхавшаго эту страну 25 лѣтъ тому назадъ, и имѣетъ два милліона жителей, на пять или шесть сотъ квадратныхъ миль пахатной земли. Полагаю, однако, что эти двѣ цифры

нѣсколько преувеличены, особенно первая. Изъ четырнадцати или пятнадцати бухарскихъ городовъ, въ обѣихъ столицахъ, Бухарѣ и Самаркандѣ вмѣстѣ, менѣе ста тысячъ жителей; остальные города—не болѣе какъ группы, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ домовъ, и окруженныя полуразрушенными стѣнами, которыя разваливаются болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Благодаря настойчивости, свойственной земледѣльческимъ народамъ, особенно таджикамъ на берегахъ Окса, земледѣліе находится въ Бухарѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи, также какъ и связанное съ нимъ скотоводство. Промышленность ханства ограничивается грубыми бумажными тканями, которыя могутъ, по своей дешевизнѣ, выдерживать конкуренцію съ манчестерскими, и весьма ограниченною шелковою фабрикаціею, которою занимаются мервисы (персіяне, переселившіеся изъ Мерва); шелковыя ткани идутъ на потребленіе туземной аристократіи. На Востокѣ есть очень много городовъ, существующихъ только своимъ прошлымъ, которое мы, по невѣжеству, принимаемъ за настоящее; таковы: Испагань, со своими дворцами, Ширазъ, со своими благоухающими садами; Багдадъ, имя котораго напоминаетъ Гарунъ-аль-Рашида и столькожъ славныхъ халифовъ. Во всѣ эти мѣста путешественникъ вступаетъ съ воображеніемъ, полнымъ разказовъ изъ *Тысячи и одной ночи*, и пробуждается среди пыльныхъ развалинъ и крайней матеріальной нищеты; но все же не такой ужасной, какъ скрывающаяся подъ нею нравственная нищета. Бухара и Самаркандъ не исключенія изъ этого правила. Паденіе началось уже въ XII вѣкѣ, во времена Эдризиз; уже тогда Самаркандъ представлялъ развалины, и служилъ только обширнымъ складомъ невольниковъ. Все населеніе этого ханства едва ли превышаетъ миллионъ двѣсти тысячъ душъ; иначе, невозможно бы и понять, почему царствующій нынѣ эмиръ, проповѣдывавшій священную войну и собравшій всѣ силы своего ханства, что бы остановить побѣдоносное приближеніе русскихъ, имѣлъ подъ знаменами всего сорокъ тысячъ солдатъ въ дѣлѣ при Ирджарѣ. Бухарское правительство монархическое, въ смыслѣ корана. Въ Бухарѣ царствуетъ самодержавный полудуховный государь, которому коранъ не предписываетъ иныхъ обязанностей, какъ служить вѣрѣ своею верховною властію и быть свѣтскою рукою ислама. Идеаль мусульманскаго правительства есть крайняя противоположность того, что мы понимаемъ подъ словомъ правительство: договоръ между государемъ и народомъ представляется мусульманину чѣмъ то чудовищнымъ, безбожнымъ. Что такое султанъ или эмиръ по точному смыслу корана? Это святой человѣкъ, ревностно исполняющій всѣ предписанія закона, наблюдающій надъ тѣмъ, что бы вѣра не остывала; онъ содержитъ мечети, монастыри и богословскія школы; даетъ всѣмъ судъ непристрѣстный, и предпринимаетъ, какъ можно чаще, священные походы противъ своихъ невѣрныхъ сосѣдей, христіанъ,

или язычниковъ; убиваетъ ихъ, или, что считается несравненно большею заслугою, толпами уводитъ ихъ въ неволю, и обращаетъ въ истинную вѣру. Таковъ настоящій султанъ, имѣющій права называться «столпомъ вѣры», самое славное прозвище, какое можетъ заслужить мусульманскій государь. Кто осмѣлится говорить объ администраціи, о правильномъ налогѣ, о балансѣ бюджета, о промышленности и торговлѣ, о законахъ и парламентѣ? Мусульманскій государь—тѣнь Аллаха; ему принадлежить все: онъ можетъ взимать неслыханные налоги, лишь бы часть ихъ шла на дѣла вѣры, въ особенности служителямъ этой вѣры; остальное принадлежитъ по праву государю, и можетъ быть употреблено на его личную роскошь и на блескъ двора. Такой взглядъ на бюджетъ объясняетъ, почему государи раззоренныхъ и въ конецъ истощенныхъ мохамеданскихъ странъ, напримѣръ, персидскій шахъ, мароккскій султанъ, египетскій вице-король, лично, богатѣйшіе государи въ мірѣ. Не подумайте, что это богатство возмущаетъ тѣхъ, на комъ оно тяготеетъ; напротивъ, ихъ скорѣе возмутила бы противоположная система. Нужно жить съ азіятами, что бы понять какое глубокое презрѣніе внушили къ себѣ истинно благочестивымъ людямъ послѣдніе турецкіе султаны, своими реформами, европейскимъ костюмомъ, танзиматомъ, всею своею дипломатіею и политикою; подъ истинно благочестивыми, я подразумеваю всѣхъ, за исключеніемъ небольшой группы должностныхъ лицъ, нерѣдко либеральныхъ, просвѣщенныхъ и преданныхъ своему отечеству, но безъ всякаго вліянія на массы, и даже на высшій классъ, изъ котораго они сами вышли. Если таково положеніе у турокъ, наименѣе фанатическаго изъ мусульманскихъ народовъ, то чего же ждать отъ дикой Бухары, гдѣ существуютъ всѣ условія къ тому, что бы сдѣлать ее центромъ самаго крайняго фанатизма? Это ханство было еще въ прошломъ столѣтіи окружено множествомъ правовѣрныхъ мохамеданскихъ государствъ, такихъ же сильныхъ, какъ оно само, и имѣло тѣмъ менѣе интереса выступать въ качествѣ защитника ислама, что исламизму не грозила въ Туркестанѣ ни малѣйшая опасность: весь этотъ край признавалъ духовную власть турецкихъ султановъ, какъ наследниковъ багдадскихъ халифовъ. Съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось. Малая Бухара завоевана китайцами, которые господствовали даже одно время надъ частію долины Окса; хивинскій ханъ, несмотря на свою кажущуюся самостоятельность, находится въ зависимости отъ Россіи; богатый и цвѣтушій Коканъ на половину завоеванъ, а то, что еще свободно, погибаетъ отъ анархіи; въ довершеніе скандала, турецкій падишахъ утратилъ, своими нововведеніями, права быть официальнымъ главою ислама, и вахабитскіе еретики оскверняютъ могилу пророка на самой священной землѣ Аравіи. Среди столькихъ испытаній, одна Бухара остается неприкосновеннымъ убѣжищемъ правовѣр-

ныхъ, и отвѣчаетъ, на каждый ударъ извнѣ, удвоеннымъ религіознымъ рвеніемъ и фанатизмомъ внутри страны. Отецъ настоящаго эмира, Назиръ-Аллахъ (Божій орелъ), родъ Людовика XI, помноженнаго на Геліогобала, повидимому, первый ввелъ въ Бухарѣ эту систему правительственнаго аскетизма, достигшую высшей степени своего развитія въ настоящее время. Для него она была не болѣе, какъ оружіемъ, потому что онъ вовсе не отличался апостольскими добродѣтелями. Ему пришлось управляться съ необузданною аристократіею *спайсовъ* или *спайевъ*. Онъ придумалъ вѣрнѣйшее средство погубить ихъ: обвинивъ ихъ въ небреженіи религіею, онъ напустилъ на нихъ грубую бухарскую чернь, подготовивъ ее, какъ слѣдуетъ, къ этому дѣлу черезъ подвѣдомственныхъ ему дервишей и улемовъ. Планъ его удался; спайи были истреблены, и, на мѣсто ихъ, возникъ самый насильственный и хищный деспотизмъ, который, начавъ съ лицемѣрія, долженъ былъ продолжать такимъ же образомъ, что бы не дать противъ себя оружія первому фанатику. Въ продолженіе долгаго царствованія Назиръ-Аллаха, столица и все ханство были чѣмъ то въ родѣ монастыря, управляемаго при посредствѣ жестокаго ханженства; малѣйшее нарушеніе корана, въ отношеніи нравственности или наружныхъ обрядовъ, наказывалось смертію; но главный двигатель во всей этой системѣ террора не заботился о послѣдовательности: во дворцѣ его находился чудовищный сераль изъ мальчиковъ, набранныхъ въ знатнѣйшихъ бухарскихъ семействахъ. Этотъ варваръ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сынъ его, пылкій Мазаферъ-ханъ, заслужилъ популярность своею личною нравственностію, но, къ сожалѣнію, искренній фанатизмъ побудилъ его сохранить систему, установленную отцомъ его, далеко не изъ религіозныхъ побужденій. Ханство стенаетъ подъ инквизиторскимъ деспотизмомъ, далеко превосходящимъ трагическія воспоминанія объ испанской инквизиціи. Улицы и базары кишатъ шпионами; довольно произности имя эмира, не прибавивъ установленной формулы: «Пошли ему Богъ сто двадцать лѣтъ жизни!» что бы впутаться въ неприятную исторію. Одинъ взглядъ, брошенный на улицѣ на женщину подъ покрываломъ, подвергаетъ смертной казни, которую претерпѣлъ самъ мехтеръ (второй министръ) за подобное преступленіе. Главнокомандующій арміею, Шарукъ-ханъ, членъ дома, царствующаго въ Персіи, выстроилъ себѣ домъ и убралъ его въ изящномъ персидскомъ вкусѣ: за это онъ отправился въ ссылку, обвиненный въ страсти къ роскоши, несомвѣстной съ благочестіемъ. Идеаль мусульманской нравственности состоитъ въ томъ, что бы общество было организовано по образцу дервишей, т. е., что бы праздное меньшинство проводило жизнь въ созерцаніи и молитвѣ, удовлетворяя только самымъ насущнымъ потребностямъ, и то относительно общественной благотворительности на счетъ трудолюбивыхъ и произво-

дительныхъ классовъ. Въ Бухарѣ и не можетъ быть иначе, въ слѣдствіе исключительныхъ условий. Этотъ городъ считается религіозною столицею Средней Азіи, такъ какъ онъ вмѣщаетъ въ себѣ священныя гробницы, къ которымъ стекаются богомольцы изъ за двухъ сотъ миль въ окружности. Богомольцы, сходящіеся тысячами, оставляютъ послѣ себя родъ осадка, увеличивающаго населеніе мечетей и монастырей, и постоянно возрастающаго въ слѣдствіе официальной набожности и щедрости эмировъ на постройки этихъ учреждений. Но это не все. Городъ Газретъ, завоеванный русскими, которые назвали его Туркестаномъ, былъ въ Коканѣ Бухарою въ маломъ видѣ, по случаю находившейся тамъ могилы одного святаго; жившіе тамъ *набожные люди* переселились въ Бухару, какъ и изъ другихъ городовъ, завоеванныхъ русскими въ послѣднее время. Для массы народа успѣхи русскихъ не имѣютъ никакого политическаго значенія; для нея существуетъ только религіозный вопросъ, возбуждающій, при всякомъ случаѣ, страшное фанатическое броженіе. Бухара сдѣлалась клубомъ, гдѣ пять или шесть тысячъ фанатиковъ, неимѣющихъ ни семьи, ни крова, ни даже одежды, судятъ и рядятъ о государственныхъ дѣлахъ съ криками, проклятіями и всевозможными кривляніями иллюминисма. Они побуждаютъ эмира не останавливаться, и эта роль вооруженнаго папы за вѣру въ опасности льститъ его гордости; впрочемъ онъ и безъ того не могъ бы противиться этимъ изступленнымъ фанатикамъ, потому что они сильнѣе его. Они призываютъ къ оружію кушцовъ, которые равнодушны къ ихъ голосу; селянъ, которыхъ легче увлечь, и кочевыхъ хищниковъ, для которыхъ походъ въ богатыя коканскія долины — дѣло не только богоугодное, но и весьма выгодное. О стратегіи, о непріятельской силѣ, о средствахъ упрочить за собою побѣду, никто не заботится. Довольно прочесть первый стихъ корана, что бы заставить умолкнуть нарѣзныя пушки, а не то можно купить талисманъ, о который притупятся вражескія сабли и пули. Благодаря такому благочестивому взгляду на мірскія дѣла, мохамеданская вѣра процвѣтаетъ въ Бухарѣ, но государственное положеніе ея очень плохо; русскіе постепенно подступаютъ къ Самарканду, а афганы, съ ихъ безбожными реформами и съ ихъ баталіонами, одѣтыми пофранкски, взяли Балкъ, Сиришულъ, Андиkho, Шиберганъ и заняли всю линію Окса. Пожалуй, можно доказывать, что народъ имѣетъ право на самоубійство, и, въ силу этого прекраснаго правила, право возставать противъ иностраннаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что иностранцы спасители рѣдко бываютъ безкорыстны; но, къ сожалѣнію, народы, приходящіе въ упадокъ, почти всегда бываютъ опасными для міра и благоденствія своихъ сосѣдей; такъ и Бухара. Пока русскіе не проникли до Сыръ-Дарьи, имъ было мало дѣла до того, что на Оксѣ, вдали отъ ихъ границъ, образовался центръ фанатическаго изуверства и военнаго деспотисма, въ высшей

степени опасный для сосѣднихъ мусульманскихъ государствъ; но теперь Россія, можно сказать, перескочила черезъ два такія государства, и стала лицомъ къ лицу со страстями, невнимающими голосу разсудка. Никакіе дипломатическіе переговоры не возможны съ людьми, постоянно находящимися въ состояніи благочестиваго изступленія. Если Россія оставитъ свое дѣло недодѣланнымъ, то она можетъ ежегодно ожидать, особенно въ время богомолія, религіозныхъ мятежей въ своихъ новыхъ провинціяхъ, и, рано или поздно, ей придется прибѣгнуть къ коренному средству, передъ которымъ она, можетъ быть, отступаетъ теперь: къ полному уничтоженію бухарской самостоятельности. Но главная причина, заставляющая насъ желать окончательнаго паденія этихъ туранскихъ государствъ, это та, что они служатъ самымъ обширнымъ рынкомъ возмутительнаго торга невольниками. Извѣстно, что въ бесплодныхъ степяхъ, вдоль Окса до Каспійскаго моря, кочуетъ населеніе, котораго главныя средства къ существованію состоятъ въ охотѣ за людьми: это кочевые хищники—туркменцы. Охота за людьми для нихъ столь же естественное и безгрѣшное занятіе, какъ для насъ рыболовство. Они собираются, сговариваются, и предпринимаютъ набѣгъ на какое нибудь селеніе Хорасана или Герата. Разоривъ и ограбивъ его въ конецъ, они связываютъ населеніе, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и гонятъ ихъ передъ собою, какъ стадо, въ пустыню, гдѣ добыча дѣлится по установленному правилу. Пльнные остаются нѣсколько дней въ кочевьѣ, покуда ихъ друзья или родные ведутъ переговоры объ ихъ выкупѣ; затѣмъ немногіе изъ нихъ удерживаются хищниками, большая же часть отсылается на главныя невольничьи рынки, изъ которыхъ бухарскій играетъ первую роль.

Многіе, можетъ быть, удивятся, что эти фанатики такъ явно нарушаютъ положительный законъ корана, воспрещающій обращать въ рабство исповѣдниковъ ислама; но туркменцы нашли средство обходить этотъ законъ, средство, болѣе говорящее въ пользу ихъ безстыдства, чѣмъ находчивости. Персіяне, которые почти исключительно бывають жертвами хищниковъ, придерживаются, какъ извѣстно, шітскаго ученія, и считаются еретиками у туркменцевъ, слѣдующихъ ученію суннитскому. Нашлись любезные богословы, объявившіе, что шітъ хуже гяура, и хищники, примиренные съ совѣстію, наградили ихъ по заслугамъ. Случается, правда, что въ плѣнъ попадаютъ и турки сунниты, или узбеки, взятые съ разграбленнымъ караваномъ. Но дѣду и тутъ умѣютъ пособить: плѣнныхъ принуждаютъ побоями и исязаніями объявить себя шітитами, и продажа ихъ дѣлается дозволенною.

Съ индусами дѣло усложняется; что бы заманить въ Туркестанъ богатые индійскіе караваны, прежніе эмиры даровали индусамъ право неприкосновенности въ путешествіи, и это право до сихъ поръ уважалось; но въ настоящее время нашли

средство продавать и индусовъ: взявъ въ плѣнъ поклонника Будды, его вынуждаютъ истязаніями обратиться въ мусульманина, разумѣется въ шита, и затѣмъ продаютъ.

Раздоры Россіи съ Хивію начались по поводу того, что туркменцы взяли въ плѣнъ русскихъ подданныхъ, и продали ихъ въ рабство въ Хиву; наказанный зато хивинскій ханъ пересталъ давать поводъ къ жалобамъ, и теперь туркменцы только на границѣ Хорасана осмѣливаются еще иногда похитить какогонибудь русскаго на южнoвосточномъ берегу Каспійскаго моря. Что бы сдержать ихъ, Россія заняла противъ персидскаго города Астрабада пустынный островъ Ашураде, гдѣ она держитъ теперь обсервационную флотилію. Десять лѣтъ тому назадъ, туркменцы Теке, имѣвшіе несчастную мысль похитить двухъ, трехъ русскихъ, впервые познакомились съ европейскими карабинами. Въ 1861 г. толпа хищниковъ увела въ неволю многихъ крестьянъ изъ деревни близъ Астрабада; начальнигъ русской станціи въ Ашураде послалъ въ погоню за хищниками отрядъ войскъ, который жестоко наказалъ ихъ, и освободилъ плѣнныхъ. Но отъ персіянъ нечего было ждать благодарности; тегеранскіе министры мало заботились о томъ, что персидскіе крестьяне тысячами уводятся, съ веревкою на шеѣ, на бухарскій рынокъ: ихъ главною заботою было, что бы въ Европѣ не узнали о бесилии шаха защищать своихъ подданныхъ, даже противъ плохо вооруженныхъ и незнающихъ никакой дисциплины степныхъ ордъ. Тегеранскій дворъ протестовалъ передъ петербургскимъ противъ распоряженій русскаго офицера, позволившаго себѣ самостоятельно распоряжаться на землѣ, подвѣдомственной Персіи. Русское правительство, что бы избѣжать неприятныхъ столкновеній, не одобрило распоряженій своего офицера, но удержало за собою Ашураде, и хорошо сдѣлало.

Нужно видѣть съверовосточныя провинціи Персіи, что бы судить объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ этомъ краю кочевыми туркменцами; но непредусмотрительное и апатичное правительство какъ будто ждетъ, что бы пустыня образовалась до самаго Тегерана. Противъ этого зла есть только два средства: преслѣдовать и истреблять хищниковъ, и закрыть рынокъ, поддерживающій постыдную торговлю. Первое средство слишкомъ сильно и притомъ же неудобноисполнимо, пока разбойники находятъ себѣ убѣжище въ бухарскихъ степяхъ, и пока имъ содѣйствуютъ, изъ корыстныхъ видовъ, узбеки; второе дѣйствительнѣе, но оно возможно только на условіи полнаго присоединенія Бухары къ Русской имперіи. Очевидно, что съ того дня, какъ туркменцы лишатся удобнаго сбыта своего человѣческаго товара, они не станутъ предпринимать, ради одного удовольствія, слишкомъ опасныя для нихъ набѣги, потому что селяне иногда отчаянно защищаются, и попавшіе въ ихъ руки жестоко поплачиваются. Если Бухара и будетъ подчине-

на Россіи, но сохранить свою самостоятельность, то невольничій торгъ будетъ продолжаться контрабандою въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ Константинополѣ, и договоры будутъ нарушаться съ такимъ же безстыдствомъ, какъ и на берегахъ Босфора. Дѣйствительный надзоръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если русскіе исправники будутъ объѣзжать улицы Бухары, какъ они дѣлаютъ это въ мелкихъ городахъ Закавказья.

Намъ возразятъ, что присоединеніе было бы противно чувству и интересамъ побѣжденныхъ. Оно было бы справедливо, по отношенію къ европейской странѣ, гдѣ есть нація, національное чувство, патріотизмъ, потому что есть отечество; но оно не идетъ для Азіи вообще, и особенно для Бухары. Я не могу усмотрѣть связи между трудолюбивымъ, земледѣльческимъ и торговымъ населеніемъ Бухары и ея фанатическимъ правительствомъ, опирающимся на нѣсколько тысячъ преторіанцевъ, надъ которыми начальствуютъ изступленные дервиши. Мы находимъ во вѣхъ туркестанскихъ городахъ два совершенно различные элемента: трудолюбивый и производительный народъ, незараженный фанатизмомъ, равнодушный къ политическимъ революціямъ, желающій только, что бы его оставили мирно жить подъ возможно менѣе притѣсняющимъ его правительствомъ, и праздную олигархію, чиновниковъ, духовныхъ, дервишей, *хаджи*, поддерживаемыхъ войскомъ, грозныхъ только для мирныхъ жителей, и придумывающихъ только какъ бы содрать съ народа все, что онъ можетъ дать. Понятно, что народъ не слишкомъ склоненъ рисковать своею жизнію и собственностію для поддержанія правительства, которое только разоряетъ его, и нѣтъ ничего естественнѣе, что города, занятые временно русскими войсками, приходятъ въ волненіе, при извѣстіи объ удаленіи этихъ войскъ, и шлютъ, подобно Ташкенту, депутаціи къ Императору всероссійскому, умоляя включить ихъ въ свою имперію. Пусть скептики сомнѣваются въ этомъ, но мы достаточно знаемъ страну, что бы быть увѣренными въ искренности и разсудочности этого движенія. Бухарскіе купцы не невѣжды, и не ослѣплены предрасудками; они часто ѣздятъ въ Россію, въ Оренбургъ, въ Ирбитъ, на нижегородскую ярмарку: они видятъ отношенія русской администраціи къ купцамъ и обывателямъ, безопасность дорогъ, правильность таможенныхъ сборовъ, и сравниваютъ все это со своимъ корыстнымъ и деспотичнымъ правительствомъ, со своими дорогами, на которыхъ грабятъ разбойники, состоящіе въ сообществѣ съ эмиромъ, со своими таможенными поборами у каждой деревушки, и выносятъ изъ этого сравненія не слишкомъ жаркую преданность къ своему правителю. Полное завоеваніе Бухары дало бы возможность производительному населенію этого края развить его неисчерпаемые источники богатства, точно такъ же, какъ дана теперь эта возможность Закавказью, освобожденному отъ хищныхъ кав-

казскихъ беевъ. Отъ этого пострадалъ бы развѣ одинъ эмиръ, которому дали бы щедрую пенсію и назначили бы мѣстомъ жительства Тулу, да дервиши, которымъ осталось бы удалиться въ восточный Туркестанъ, возставшій противъ Китая, и сдѣлавшійся театромъ самой неистовой и кровавой анархіи. Взглядомъ теперь на событія въ Коканѣ и на характеръ русскаго вмѣшательства въ дѣла этого края.

Въ 1840 г. Коканъ былъ завоеванъ бухарскимъ эмиромъ Назиръ-Аллахомъ, который умертвилъ побѣжденнаго хана, и увелъ въ Бухару его сына, въ видѣ заложника, но двоюродные братья покойнаго хана бѣжали къ киргизамъ, и, при первомъ случаѣ, явились протестовать, съ вооруженною силою, противъ завладѣнія ихъ краемъ. Имъ удалось возстановить коканскій тронъ, и они быстро наслѣдовали на немъ одинъ другому, погибая отъ измѣны и убійства. Населеніе потеряло всякое уваженіе къ такимъ государямъ. Между тѣмъ, въ продолженіе этихъ неурядицъ, русская граница часто нарушалась набѣгами коканскихъ киргизовъ на ихъ соотечественниковъ, покорившихся Россіи; коканскій гарнизонъ Агъ-Мешедъ, на Сырь-Дарьѣ, прикрывалъ эти набѣги. Русское правительство протестовало, но этимъ только навлекло новыя оскорбленія на себя, и въ 1851 г. новый набѣгъ, при которомъ коканцы угнали съ собою 75,000 головъ скота, вынудилъ русскихъ наказать ихъ, срывъ ихъ крѣпость Кохъ-Курганъ. Но этотъ урокъ былъ безплоденъ, такъ что въ 1853 году генераль Перовскій нанесъ болѣе рѣшительный ударъ, взявъ Агъ-Мешедъ и разбивъ, 17-го декабря того же года, многочисленную армію узбековъ, отъ которой осталось на мѣстѣ 2,000 убитыхъ и 17-ть пушекъ. Открывшаяся въ томъ же году крымская война помѣшала русскимъ продолжать это дѣло, и они удовольствовались тѣмъ, что удержали за собою взятыя позиціи, предоставивъ Коканъ его судьбѣ. Пораженіе 17 декабря вызвало новую революцію въ этой злополучной странѣ. Коканцы прогнали своего государя, который бѣжалъ къ молодому бухарскому эмиру, Мозаферу. Послѣдній, въ качествѣ потомка Тимура, считалъ себя призваннымъ къ завоеванію всей Средней Азіи и къ возстановленію монгольской имперіи. Онъ возстановилъ коканскаго хана, и оба ханства фактически соединились подъ властію бухарскаго эмира, который сталъ помогать коканцамъ въ ихъ набѣгахъ на русскія владѣнія. Кара обрушилась на того и на другаго. Въ 1861 г., русскіе срыли непріятельскую крѣпость Лени-Курганъ, на Сырѣ; затѣмъ въ слѣдствіе новыхъ вызововъ, они стали медленно, но неуклонно подвигаться къ югу, вдоль этой рѣки, оставаясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ со своею флотиліею на рѣкѣ. Операции ихъ приняли дѣятельный характеръ только съ 1864 г. Онѣ взяли Газретъ-Туркестанъ, и сдѣлали его главнымъ городомъ своихъ предполагаемыхъ завоеваній; вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ Чемкентъ, и

русскіе подступили къ богатому Ташкенту. Первые успѣхи русскихъ не испугали эмира Мозафера; онъ видѣлъ въ нихъ случай упрочить свою популярность въ Туркестанѣ, принявъ на себя защиту ислама. Предусмотрительно заставивъ выдать ему несовершеннолѣтняго коканскаго хана, онъ послалъ въ Ташкентъ подкрѣпленіе, что не помѣшало однако генералу Черняеву взять этотъ городъ. Вскорѣ потомъ, Мозаферъ занялъ Ходжентъ, и послалъ русскому генералу наглое требованіе очистить занятія имъ части ханства, угрожая, въ противномъ случаѣ, стать во главѣ всѣхъ мусульманъ, и начать священную войну. Генералъ Черняевъ отвѣчалъ, разумѣется, положительнымъ отказомъ. Дѣйствительнѣе подѣйствовало на эмира возстаніе, вспыхнувшее въ Шехръ-и-Зебзѣ, на югостокѣ Бухары; что бы предотвратить опасность, грозившую и съ сѣвера, эмиръ рѣшился вступить въ переговоры съ русскими, и отправилъ въ ихъ главную квартиру своего уполномоченнаго, Наджимитъ-Дина, уже бывшаго въ Петербургѣ въ 1859 г., поручивъ ему нѣсколько поздно сообщить русскому правительству о своемъ вступленіи на бухарскій тронъ, и уладить полюбовно возникшіе споры. Въ доказательство своего добраго расположенія, Мозаферъ просилъ генерала Черняева прислать въ Бухару русскую миссію, въ обмѣнъ на отправленную имъ въ Петербургъ. Черняевъ, повѣривъ его искренности, прислалъ астронома Струве, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ, устно передать эмиру миролюбивыя завѣренія русскаго правительства, и договориться съ нимъ касательно затрудненій на границѣ. Но русская миссія, едва прибывъ въ Бухару, была заключена въ тюрьму, и всѣ послѣдующіе поступки эмира показываютъ, что эта насильственная мѣра была давно замышлена, съ цѣлю держать у себя русскихъ, въ видѣ заложниковъ, пока посоль эмира, Наджимитъ, не получитъ доступа къ русскому Императору, такъ какъ его остановилъ дорогою генералъ-губернаторъ Крыжановскій, и объявилъ ему, что онъ не имѣетъ надобности ѣхать въ Петербургъ, потому что ему, Крыжановскому, дано полномочіе въ дѣлахъ Средней Азіи. Какъ бы то ни было, но эмиръ ошибся въ расчетѣ: генералъ Черняевъ потребовалъ безусловнаго освобожденія своихъ пословъ, и перешелъ, 11 февраля 1866 г., рѣку Сыръ въ Чиназѣ, съ небольшимъ отрядомъ въ 2,000 человекъ, при 16 орудіяхъ. Онъ направился прямо къ Самарканду, черезъ совершенно безводную степь, которая оканчивалась только у бухарской границы. Дорогою къ генералу пришло предложеніе эмира, возвратитъ свободу Струве и всей миссіи, если русскіе прекратятъ дальнѣйшій походъ; но, справедливо не довѣряя искренности Мозафера, генералъ Черняевъ отвѣтилъ словесно, что онъ не можетъ остановиться среди степи, и что онъ вступить въ переговоры только въ Джузакѣ, въ первомъ пунктѣ, гдѣ найдетъ воду. Но, по прибытіи въ Джузакъ, у конницы оказался недостатокъ въ фуражѣ, такъ что пришлось избирать изъ двухъ крайностей,

или овладѣть Джузакомъ, и идти на Самаркандъ, или послѣдно отступить; первое было бы безуміемъ, и генераль Черняевъ перешелъ обратно Сырь. Такимъ образомъ кончилась эта смѣлая экспедиція, но предпринятая съ слишкомъ ограниченными средствами, что бы привести къ чему либо иному, кромѣ обратнаго движенія. Это была ошибка, со стороны русскихъ, съ такимъ хвастливымъ врагомъ, каковъ бухарскій эмиръ: они не должны были отступать, однажды выступивъ впередъ. Мозаферъ, струсившій было, когда русскіе подошли такъ близко къ Самарканду, ободрился, когда они ушли обратно, и сталъ дѣятельно готовиться къ войнѣ. Онъ наводнилъ своими шайками всѣ окрестности Ташкента, даже дороги въ Чемкентъ и Туркестанъ.

Съ своей стороны, и русскіе не бездѣйствовали. Генераль Романовскій, смѣнившій Черняева, призвалъ съ Аральскаго моря пароходы «Перовскій» и «Сырь-Дарья», которые плавали по Сыру до Чиназа, и нѣсколько разъ отбрасывали шайки, засѣвшія по берегамъ. 18 Мая 1866 года въ Ташкентъ пришло извѣстіе, что самъ эмиръ приближается съ пятидесятысячною регулярною арміею и съ тридцатипятитысячною ордою плохо вооруженныхъ киргизовъ. Романовскій выступилъ противъ всей этой массы съ 2,000 человекъ, въ которыхъ было около четверти козаковъ; артиллерія была ровная, по количеству, съ обѣихъ сторонъ, штукъ по 20 орудій. Русскіе вступили, во время нестерпимой жары, въ деревню Раватъ, въ 30 верстахъ отъ Ташкента, и всего въ пяти отъ Ирджарской долины, гдѣ расположился эмиръ съ своимъ войскомъ. 20 Мая утромъ, бухарская конница подсакала смѣшанною толпою къ русскимъ эскадронамъ, и дѣло завязалось. Оно началось съ незначительныхъ стычекъ, но къ полдню артиллерія открыла огонь, и русская пѣхота пошла прямо на Ирджары, выдерживая съ фронта и съ фланговъ, сильныя атаки непріятельской конницы. Движеніе этой колонны, затрудняемое необходимостію защищать свой багажъ, было такъ медленно, что она достигла только къ пяти часамъ позиціи, занятой эмиромъ съ его артиллеріею. Последняя открыла убійственный огонь, на который русскіе удачно отвѣчали. Черезъ часъ, замѣтивъ нѣкоторое колебаніе въ рядахъ бухарской конницы, генераль Романовскій двинулъ все свое войско на непріятельскія траншеи и отбилъ ихъ. Бухарскіе артиллеристы были заколоты, и шесть русскихъ пушекъ, поставленныхъ на мѣсто непріятельскихъ, принялись громить разстроенныхъ бухарцевъ. Подкрѣпленіе, прибывшее къ русскимъ, подъ начальствомъ полковника Краевского, помогло окончательно разсѣять непріятеля, при помощи нарѣзныхъ орудій. Побѣдители овладѣли всѣмъ непріятельскимъ лагеремъ и нашли въ палаткѣ эмира дорогіе ковры, диваны и всю азіятскую роскошь. Самъ эмиръ остановился только въ Джузакѣ, куда онъ прибылъ, въ сопровожденіи всего двухъ тысячъ человекъ,

кинувъ дорогою два послѣднія свои орудія. Ирджарское дѣло рѣшило въ нѣсколько часовъ судьбу половины этого обширнаго края. Генераль Романовскій, не теряя времени, воспользовался этою блистательною побѣдою; ему оставалось два пути: или преслѣдовать разбитаго врага, и покорить, городъ за городомъ, все коканское ханство, или дѣйствовать не столь быстро, но вѣрнѣе и полезнѣе. Экспедиціонный корпусъ не превышалъ, даже съ отрядомъ Краевского, 2,600 человекъ; ему, вѣроятно, удалось бы пройти степь и овладѣть Самаркандомъ, но это было бы слишкомъ рискованнымъ дѣломъ. Въ Самаркандѣ, русская армія могла удержаться, потому что населеніе этого города не было враждебно русскимъ, но эмиръ былъ не на столько обезкураженъ, что бы не продолжать войны; онъ могъ въ одну недѣлю собрать себѣ новую армію и отрѣзать русскимъ сообщеніе съ ихъ главною квартирою, въ Ташкентѣ. Это было тѣмъ легче, что при Ирджарѣ пострадала преимущественно регулярная непріятельская пѣхота; киргизская же конница почти не понесла потерь. Но этого мало. Среднее сословіе въ Коканѣ и Бухарѣ, страдавшее отъ деспотизма Мозафера, питало, какъ мы уже сказали, сочувствіе къ русскимъ, и оно заявлялось при каждомъ ихъ успѣхѣ; но, по этому самому, отступленіе ихъ, въ случаѣ неудачи, подвергло бы страшному мщенію бухарскихъ купцовъ, начальниковъ корпорацій и муниципальных агентовъ, которые успѣли бы скомпрометировать себя демонстраціями въ пользу «невѣрныхъ». Ихъ ограбили бы, какъ людей богатыхъ, а можетъ быть и перебили бы. Всѣ эти причины побудили русскихъ избрать другой путь. Генераль Романовскій перешелъ Сыръ-Дарью, и, спустя шесть дней послѣ сраженія, занялъ Ноу, не истративъ ни одного патрона. Въ два дня онъ успѣлъ укрѣпить этотъ городъ, и, 29 мая 1866 г., подступилъ къ стѣнамъ Ходжента. Послѣ Кокана, это была самая значительная крѣпость, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи. Она находится на поворотѣ Сыра, гдѣ эта рѣка, выходя изъ прелестной коканской долины, достигаетъ восточной границы большой Хоризмійской степи. Это самый центральный пунктъ торговли Туркестана съ Персією съ Афганистаномъ, съ Россією, Индією и Китаемъ, потому что здѣсь пересѣкаются пять караванныхъ дорогъ: изъ Самаркана, Кокана, Номенджана, Ташкента и Хивы. Революціи, ослабившія связь Кокана съ подчиненными ему провинціями, дали возможность Ходженту приобрѣсти нѣкоторое самоуправленіе; онъ даже отказывался иногда пускать въ свои стѣны губернаторовъ, назначаемыхъ ханомъ или бухарскимъ эмиромъ. Кромѣ крѣпкихъ стѣнъ, этотъ городъ имѣлъ естественную защиту въ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Русскіе подступили къ нему 29 мая двумя отрядами, которые расположились одинъ въ пяти верстахъ отъ города, по дорогѣ въ Бухару, другой на лѣвомъ берегу Сыра. Жители приготовились къ энергической защитѣ; они затопили, поста-

вивъ плотины, окрестность города, созвали въ его стѣны все окрестное населеніе, и срубили всѣ деревья и кустарники, которые могли затруднять дѣйствіе артиллеріи. Парламентеры Романовскаго были встрѣчены пулями. 1-го іюня, русскіе открыли сильный огонь, продолжавшійся весь день, причинившій большой вредъ городу; во многихъ мѣстахъ вспыхнули пожары. На слѣдующій день, въ три часа утра, осаждающіе вступили въ предмѣстіе. Ихъ встрѣтила депутація отъ городского торговаго сословія, принесшая свою покорность; въ слѣдствіе этого, войска остановились и нѣсколько ретировались, а депутація вернулась въ городъ, въ сопровожденіи русскихъ парламентаровъ. Но, къ сожалѣнію, мирную партію преодолѣла партія фанатиковъ; главныхъ членовъ купеческой депутаціи заключили въ тюрьму, а русскихъ парламентаровъ вновь встрѣтили пулями. По истеченіи срока, назначеннаго генераломъ Романовскимъ, бомбардированіе возобновилось съ удвоенною силою, и 5-го числа, послѣ новаго рѣшительнаго приступа, русскіе вступили въ городъ. Но борьба была далеко не кончена; коканцы заперлись въ домахъ, загородили узкія улицы, и отчаянно защищались до самой ночи. Небольшой корпусъ попытался сдѣлать вылазку, и напасть врасплохъ на русскія войска, стоявшія за городомъ, но и эта попытка не удалась. 6-го іюня, городъ безусловно сдался. По официальному донесенію генерала Романовскаго, эта побѣда стоила русскимъ всего 70 человекъ, выбывшихъ изъ строя, тогда какъ непріятель лишился 2,500 человекъ убитыми, не считая раненыхъ, нашедшихъ заботливый попеченіе въ русскихъ госпиталяхъ.

Несмотря на все сочувствіе, внушаемое храбростію коканскаго гарнизона, невозможно отрицать, что граждане Ходжента были весьма недовольны войною, цѣль которой состояла лишь въ томъ, что бы дать имъ властителей; если уже имѣть ихъ, то они предпочитали такихъ, которые предлагали имъ наиболѣе гарантій, порядка и безопасности. Тоже самое чувство высказалось, спустя два мѣсяца, въ поступкѣ жителей Ташкента, пославшихъ адресъ къ русскому Императору съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Если бы русскіе вступили въ договоръ съ Мозаферомъ, и возвратили ему завоеванные ими земли, за какое либо иное вознагражденіе, то граждане Ташкента постигло бы, съ возвращеніемъ бухарскихъ войскъ и выходцевъ, страшное возмездіе за сближеніе съ невѣрными во время занятія. Мы уже были свидѣтелями подобнымъ фактовъ въ Кашгарѣ, когда толпа коканцевъ овладѣла врасплохъ этимъ городомъ; мы знаемъ, какая рѣзня послѣдовала за этою революціею. Ташкенцы помнили это, и не чувствовали никакого желанія быть перерѣзанными мнимыми братьями Мозафера.

Эмиръ Мозаферъ хотя освободилъ русскихъ пословъ, но не помышлялъ вступать въ переговоры съ побѣдителями при Ирд-

жарѣ. Онъ не столько рассчитывалъ на собственныя силы, сколько на какую нибудь неожиданную диверсію. Увѣренный, подобно всѣмъ туркамъ, что западные государи не болѣе какъ вассалы турецкаго султана, онъ послалъ, въ октябрѣ 1866 г., просить Абдуль-Азиза сдѣлать какую нибудь демонстрацію въ его пользу. Отвѣтъ султана открылъ ему глаза; пришлось искать другаго покровительства. Воспоминаніе о соперничествѣ Россіи съ Англіею—соперничествѣ, отзвывавшемся и при дворѣ его отца до 1840 г., естественно, должно было навести его на мысль обратиться къ англоиндійскому правительству; но гордость не допустила его до этого. Пока онъ колебался, русскіе, 2 октября, взяли приступомъ Оратуну, и въ ноябрѣ вторично перешли бухарскую границу, и утвердились въ Джузакѣ. Отчаянное сопротивленіе, встрѣченное русскими со стороны непріятели, неумышлявшаго послѣ двухлѣтнихъ постоянныхъ неудачъ, должно было убѣдить ихъ въ необходимости дѣйствовать медленно и осмотрительно, не предпринимая слишкомъ рѣшительныхъ и рискованныхъ мѣръ.

Взятіе Джузака положило конецъ колебаніямъ эмира: онъ отправилъ своего агента въ Калькутту просить помощи и вмѣшательства англоостиндскаго правительства; посланный возвратился, въ февралѣ нынѣшняго года, не добившись, разумѣется, ничего, кромѣ вѣжливыхъ фразъ, которыми подслащиваются отказы.

По этому очерку, читатель можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какое зрѣлище представляютъ мелкія туркестанскія государства въ 1867 г. Бухара можетъ служить образчикомъ другихъ сосѣднихъ ханствъ, которыхъ политическія событія не выдвинули впередъ. Полудикіе ханы, отуманенные неограниченною властію, слѣпыя орудія дервишей, оборванныхъ бродягъ, немѣющихъ иного занятія, кромѣ изступленнаго благочестія и требующихъ войны, потому что имъ нечего терять,—худо вооруженные воины, голодные, неполучающіе своего жалованія и вознаграждающіе себя грабежомъ; наконецъ, трудолюбивая производительная масса населенія, на счетъ котораго живутъ всѣ эти вредные, алчные паразиты; — купцы, ремесленники, составляющіе $\frac{19}{20}$ всего населенія, но ничего незначащія въ правительствѣ, считаемыя за стадо барановъ, которыхъ можно стричь, живущія въ постоянномъ страхѣ за свою собственность и жизнь, и видящія себѣ спасеніе только въ чужеземномъ занятіи, въ господствѣ націй, которыхъ вѣра ихъ учитъ ненавидѣть;—таковъ общественный порядокъ, отстаиваемый плохо знакомыми съ нимъ защитниками азіатскихъ національностей. Не оспариваемъ достоинства принципа національностей; но для того, что бы была національность, нужна прежде всего нація, а едва ли у кого хватить наивности искать по берегамъ Окса что нибудь похожее на то, что мы привыкли подразумевать подъ этимъ словомъ. Въ Азій нѣтъ націй, въ собственномъ смыслѣ, за исключе-

пиемъ Китая, и преимущественно Японіи, слѣдовательно нѣтъ и національныхъ интересовъ, и если мы хотимъ стать выше чисто матеріальныхъ интересовъ, то намъ остается заняться только однимъ высшимъ интересомъ, — общечеловѣческимъ. Упростивъ такимъ образомъ вопросъ, мы убѣдимся, что паденіе всѣхъ этихъ мелкихъ государствъ не повредило бы тому, что заслуживаетъ пощады, и что подчиненіе Россіи было бы такимъ же благомъ для трудящагося и производительнаго населенія, какимъ было покореніе Остъ-Индіи англичанами, для огромнаго большинства индійскаго народа. Но это только одна сторона вопроса. Многіе заботятся не столько о судьбѣ потомковъ Тимура, сколько о силѣ, которую придали бы эти присоединенія и безъ того уже чрезмѣрному могуществу Россіи, и о средствахъ, которыя они дали бы ей для наступательныхъ дѣйствій противъ Европы, или противъ Остъ-Индіи, къ которой Россія быстро приближается.

II.

Опасеніе близкаго нападенія русскихъ на англійскую Индію уже давно многихъ тревожить; положимъ, что это опасеніе есть не болѣе, какъ политическій призракъ, однако первые признаки его появились еще въ 1808 г. Уже въ то время, тильзитскій миръ заставилъ Англію тревожиться ожиданіемъ, что двѣ сильныя континентальныя державы, обезпеченныя со стороны своего политическаго господства въ Европѣ, попытаются завладѣть лучшею частію Азіи. Вотъ что побудило Англію послать въ Персію, съ 1808 по 1814 г., три или четыре посольства, стоившія ей очень дорого; они хотя и не утвердили британскаго вліянія при тегеранскомъ дворѣ, но по крайней мѣрѣ доставили намъ важныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ. Персія, и въ ту пору, какъ теперь, считалась ключемъ къ Индіи.

Россія еще не выступала за Оренбургъ, и между нею и Гималайскими горами лежало такое безвѣстное пространство, что нельзя было и предвидѣть опасности со стороны Окса и Бухары. Даже со стороны Персіи не помышляли о пути въ Гератъ, ведущемъ и въ Афганистанъ; храбрыя племена, жившія на этомъ пути, замыкали его повидимому для всѣхъ. Опасенія болѣе возбуждались южнымъ путемъ, вдоль Персидскаго залива, которымъ прошелъ, въ обратномъ направленіи, Александръ Македонскій, возвращаясь, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, изъ завоеванной имъ Индіи. Открытіе въ этомъ направленіи проходимои дороги, для арміи съ артиллеріею, не

могло успокоить англичанъ; но фактическое заявленіе ихъ тревогъ, мѣрами предосторожности, послѣдовало только лѣтъ тридцать тому назадъ, когда ближайшее знакомство съ Афганистаномъ показало, что главная опасность грозить съ этой стороны. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ кризиса съ 1837 по 1842 г. Англоиндійское правительство, встревоженное двумя совпадавшими событіями: нападеніемъ русскихъ на Хиву и персіянъ на Гератъ, постаралось обезпечить свою наиболѣе доступную сѣверозападную границу, приобретениемъ себѣ, въ срединѣ Афганистана, втораго союзника, позади владѣній Рунджетъ-Синга, дружба съ которымъ уже была упрочена. Результатъ этой попытки, навязать храброму и гордому населенію непрошеннаго государя, достаточно извѣстенъ. Потерпѣвъ четыре года, страна возстала поголовно, прогнала англійскую армію изъ всѣхъ большихъ городовъ, изъ Гизны, Кабула, Кандахара, Келата, и отбросивъ ее за Индъ, истребила при отступленіи. Новое наступленіе въ 1842 году и временное занятіе Афганистана не загладили неудачи.

Несмотря на то, что англійская армія выказала при этомъ случаѣ такія же основательныя качества, какъ и во время возстанія 1857 г., обаяніе, которымъ она пользовалась до той поры на Востокѣ было такъ поколеблено, что двадцать пять лѣтъ постоянныхъ удачъ не могли совершенно возстановить его.

Афганистанъ поставленъ въ точно такія же условія, какъ и туранскія государства, бывшія предметомъ нашей предъидущей главы. Въ принципѣ, кабульское правительство есть самодержавная монархія, но ограниченная въ дѣйствительности *дарбаромъ*, родомъ государственнаго совѣта изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ странѣ. Такъ какъ афганы племя воинственное, то у нихъ феодальный духъ преобладаетъ надъ религіознымъ; священники или муллы имѣютъ въ этомъ краѣ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ въ Туркестанѣ. По той же самой причинѣ и правительство пользуется дѣйствительною властію только въ срединѣ государства, въ столицѣ его, Кабулѣ, и въ второстепенныхъ городахъ, Кандахарѣ, Гизнѣ, Баміанѣ, Джеллалабадѣ. Горы, лежація близъ столицы, заняты дикими племенами, съ примѣсю монгольскаго. Фактически эти племена свободны, но признаютъ верховную власть кабульскаго эмира. Вдоль англійской границы поселены другія афганскія племена, совершенно непокорныя: это свати, африди и вазирі; послѣдніе занимаются земледѣліемъ и существуютъ не однимъ грабежомъ. Они грабятъ только при случаѣ. Совсѣмъ иное дѣло кабулистанскія племена, считаемыя «благородными», и къ которымъ принадлежитъ царствующая династія. Эти племена, извѣстныя подъ именемъ бараксаевъ, бердурани, дурани, живутъ на чужой счетъ, берутъ дань съ земледѣльца и горожанина, сдираютъ налогъ съ каравановъ во всякой засадѣ, украшенной названіемъ таможи (гумрукъ), и грабятъ ихъ на пути. Не мудрено, что та-

кой порядокъ пораждаеть вѣчную вражду между бесполезнымъ деспотическимъ сословіемъ и производительнымъ классомъ, эксплоатируемымъ безъ всякой мѣры. Революціи эта вражда не можетъ вызвать, потому что на Востокѣ производительный классъ почти повсюду безоруженъ и робокъ; но она вызоветъ, въ случаѣ европейскаго вторженія, движеніе умовъ, благопріятное иностранцамъ, и можетъ подготовить весьма серіозныя затрудненія правительству. Какъ ни кратковременно было англійское занятіе въ этомъ краѣ, а оно уже успѣло внушить сочувствіе и признательность городскому населенію, удивленному такою невиданною здѣсь честностію правителей. Генералъ Ферріе, проѣзжая въ Гизни, на службу къ Рунджетъ-Сингу, имѣлъ случай убѣдиться въ этихъ чувствахъ, со стороны самаго честнаго класса населенія, а его свидѣтельство тѣмъ достовѣрнѣе, что, въ другихъ случаяхъ, онъ не щадитъ англоиндійскаго управленія. Англичане повсюду оставили здѣсь о себѣ хорошую память, чему много способствовала также разниа съ событіями въ послѣдующіе три года, исторію которыхъ мы намѣрены рассказать.

Эмиръ Достъ-Мохамедъ, оставшійся побѣдителемъ въ 1842 году, имѣлъ ловкость, возвративъ себѣ власть, остаться въ хорошихъ, почти дружественныхъ, отношеніяхъ съ своими могущественными сосѣдями. Эта политика оказалась весьма полезно ему, когда, въ 1849 году, присоединеніе Сайкскаго государства къ англійской Индіи открыло всю восточную границу Афганистана, и пробудило всѣ тревоги кабульскаго двора. Во время возстанія синаевъ, остъиндская компанія купила нейтральность Достъ-Магомеда цѣлою массою рупіевъ (тремя милліонами въ годъ), но эти деньги были помѣщены съ пользою. Трудно исчислить результаты, къ какимъ могло бы повести нападеніе эмира, съ 40,000 афганъ, на Пешауэръ и Лахоръ; бѣдствія этого роковаго года возрасли бы тогда до ужасныхъ размѣровъ, хотя и тогда окончательное господство Англій было бы, разумѣется, только отсрочено. Надо полагать, что и старикъ эмиръ, человекъ весьма умный, былъ убѣжденъ въ этомъ, такъ что жадность къ деньгамъ согласовалась въ немъ съ дальновидностію. Онъ умеръ въ 1863 году, оставивъ престоль одному изъ своихъ сыновей, Ширъ-Али-хану, съ устраненіемъ старшаго сына, Афзаль-хана.

Однимъ изъ слѣдствій многоженства въ восточныхъ царствующихъ семьяхъ бываетъ то, что государь, умирая, оставляетъ множество дѣтей отъ разныхъ матерей, жестоко ненавидящихъ другъ друга; вопросъ о наслѣдіи обыкновенно рѣшается междоусобною войною. Во избѣжаніе этого неудобства, турки, народъ холодный и практичный, — ввели у себя жестокой обычай, отмѣненный только султаномъ Абдуль-Меджидомъ: каждый государь ознаменовывалъ свое вступленіе на престоль, избіеніемъ всѣхъ своихъ братьевъ. Извѣстно, что Амуратъ IV, у

котораго ихъ было восемьдесятъ, умертвилъ ихъ всѣхъ въ одинъ часъ. Въ Кабулѣ, гдѣ не ведется такого обычая, уже четыре года свирѣпствуетъ необузданная анархія. Ширъ-Али заключилъ въ тюрьму своего старшаго брата, что бы не допустить его до заговора. Другой братъ его, Азимъ-ханъ, бѣжалъ въ Индію, и попытался заинтересовать въ своемъ дѣлѣ англоиндійское правительство; но оно благоразумно отклонило отъ себя всякое вмѣшательство въ афганскія дѣла. Азимъ возвратился въ свое отечество, отправился къ горнымъ племенамъ, возмутилъ ихъ противъ Ширъ-Али, и, соединившись съ Абдерхаманъ-ханомъ, сыномъ заключеннаго принца, пошелъ на Кабулъ.

Послѣдовало сраженіе при Сейедабадѣ, близъ Гизни. Ширъ-Али проигралъ его, и, не помышляя оспаривать столицу у побѣдителей, бѣжалъ въ Кандахаръ, гдѣ приготовился продолжать войну. Союзные эмиры безпрепятственно вступили въ Бала-Хиссаръ, цитадель Кабула, владѣніе которою даетъ верховную власть.

Афзаль-ханъ былъ освобожденъ, и провозглашенъ султаномъ. Онъ соединился съ Азимомъ, и принялъ участіе въ его планахъ мести англичанамъ. Они стали подстрекать пограничныя племена свати и вазири напасть на Индскую провинцію; но горы уже были строго проучены за это, и не поддались внушеніямъ.

Между тѣмъ, англоиндійское правительство, въ видахъ челоуѣколюбія и личнаго самосохраненія (такъ какъ междоусобная война въ Кабулѣ грозила набѣгами на британскія владѣнія), предложило воюющимъ свое посредничество. Эмиры холодно отвергли предложеніе; однако въ этотъ промежутокъ времени, они успѣли сдѣлать себѣ много враговъ, такъ что нѣкоторые вліятельные вожди и улемы провозгласили Ширъ-Али единственнымъ законнымъ государемъ. За него высказались также нѣкоторыя сильныя племена и вицекороль Бактріаны, Фицъ-Мохамедъ-ханъ. Эмиры пытались застрашать ихъ. Они заманили во дворецъ главнаго изъ своихъ враговъ, Рефикъ-хана, и умертвили его. Заключивъ въ тюрьму сто шестьдесятъ вождей главныхъ непокорныхъ племенъ гильзай и ахмедзай, они выслали противъ ихъ войско. Въ августѣ 1866 года положеніе страны еще не улучшилось; Ширъ-Али намѣревался возобновить походъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, и призвалъ изъ Герата пѣхоту и артиллерію. Страна представляетъ, съ той поры, самое печальное зрѣлище; торговля исчезла, караваны подвергаются грабежу, крестьяне обременены налогами; повсюду голодъ; цѣны на хлѣбъ удесятились, и на то, что еще осталось на продажу, распространена правительственная монополія. Это печальное положеніе продлится еще пожалуй на цѣлые годы; жители Востока никогда не спѣшатъ, даже и тогда, когда идетъ дѣло о прекращеніи раззорительныхъ междоусобицъ. Приверженцамъ эмировъ привольно въ Кабулѣ, но мирные трудоло-

бывше классы не могут не желать лучшаго порядка, и, какъ ни живо національное чувство въ этихъ энергическихъ племенахъ, но все же они съ радостію приняли бы внимательство Англіи или Россіи.

Мы потому говоримъ такъ пространно о безпорядкахъ въ Афганистанѣ, что они имѣютъ важное вліяніе на общее положеніе Средней Азій. Кабуль служитъ большимъ торговымъ путемъ между Персіею, Бухаріею и Россіею, съ одной стороны; Индіею и Китаемъ, съ другой. Въ ожиданіи, что этотъ край сдѣлается театромъ политическаго соперничества Россіи и Англіи, онъ служитъ театромъ дѣятельнаго, мирнаго и плодотворнаго соперничества торговыхъ людей обѣихъ націй. Въ настоящее время, русская промышленность беретъ перевѣсъ; произведенія ея, менѣе совершенныя, но зато менѣе и дорогія, исключительно наполняютъ афганскій рынокъ, несмотря на двойное неудобство втрое дальнѣйшаго разстоянія и весьма небезопасныхъ дорогъ. Торговля между Персіею и Индіею, черезъ Кабуль, производится весьма куріознымъ способомъ, вѣроятно ведущимся отъ глубокой древности. Торговлею занимаются четыре племени, извѣстныя подъ именемъ «повиндаховъ.» Эти попустешскія и торговыя племена состоятъ изъ 8,000 семействъ, владѣющихъ 30,000 верблюдовъ, не считая 10,000 воловъ, употребляемыхъ для перевозки. Повиндахи составляютъ караваны, похожіе на дѣлѣе отряды войска, и ежегодно отправляются отъ персидской границы въ Индію тремя путями: черезъ Кабуль, Гизни и Кандахаръ. Они сбываютъ русскіе, персидскіе и туркестанскіе товары на афганскихъ рынкахъ, и закупаютъ тамъ мѣстныя произведенія (пергаментъ, красильныя сѣмена, асса-фетиду, салець, различные консервы и пр.), которые продаютъ въ Индіи. Они доходятъ на востокъ до Бенареса; на югъ до Бомбея. На обратномъ пути они закупаютъ выдѣланныя произведенія, шелковыя и бумажныя ткани, кисею, шали, множество лекарственныхъ растений. Достаточно одной цифры, что бы показать, какую важность имѣетъ это торговое движеніе: по одной гизниской дорогѣ, провозится ежегодно шерсти на сумму 70,000 рупій (50,000 руб.). Слѣдуетъ прибавить, что Афганистанъ важенъ не только какъ транзитный путь, но и какъ мѣсто вывоза; поэтому естественно, что Англіи хочется вытѣснить оттуда свою соперницу, и занять ея мѣсто.

Но каковъ бы ни былъ, въ будущемъ, исходъ этого торговаго соперничества, настоящая война несомнѣнно вредитъ интересамъ обѣихъ сторонъ, и не мудрено, что какъ Россія, такъ и Англія, желаютъ, что бы она поскорѣе прекратилась. Мы уже упомянули о неудачной примирительной попыткѣ Англіи въ 1863 году; съ своей стороны и Россія сдѣлала подобную же попытку. Генераль-губернаторъ Туркестана послалъ отъ себя туземца, Юбаль-хана, съ увѣреніями въ дружбѣ къ кабульскимъ эмирамъ. Россія не принимала на себя эту мѣроу никакихъ

обязательство относительно этой страны, имѣя въ виду только продолженіе дружественныхъ торговыхъ сношеній. Выѣхавъ изъ Кабула, русскій агентъ отправился въ Пешауэръ, гдѣ мѣстное начальство, предупрежденное, что онъ шпионъ, стало слѣдить за нимъ, впрочемъ нисколько не безпокоя его. Въ то же самое время и англичане послали въ Бухару, чрезъ Джеллабадъ и Кабуль, своего агента, одного индійскаго *бабу* (ученаго), будто бы по дѣламъ торговли; но въ сущности съ тѣмъ, что бы ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Бухары, и поразвѣдать, какъ велики успѣхи, сдѣланные тамъ русскими. *Бабу*, умный и просвѣщенный, какъ вообще люди этого класса, собралъ на пути довольно важныя свѣдѣнія, какъ экономическія, такъ и географическія, напечатанныя въ англоиндійскихъ журналахъ. Таково было, въ концѣ 1866 года, нравственное и политическое положеніе афганской страны, въ которой англичане справедливо видятъ ключъ къ Индіи. Всѣ правительственныя нити были порваны; всѣ источники народнаго богатства изсякли, отъ продолжительной междоусобной войны; большія пограничныя державы, пользуясь неурядицею, запустили руку во внутреннія дѣла страны, а мирные производительные классы принуждены жертвовать національнымъ чувствомъ для спокойствія и порядка, хотя бы данныхъ чужеземцами. Все это представляло печальное зрѣлище, которое, вѣроятно, еще болѣе омрачилось въ послѣдствіи. Не безынтересно узнать теперь, какъ относится къ такому положенію дѣлъ общественное мнѣніе въ Индіи, и какія обязанности вмѣняетъ оно англоиндійскому правительству, въ случаѣ болѣе или менѣе отдаленной опасности, съ этой стороны, для англійскихъ владѣній.

Лѣтомъ 1866 г., когда въ Индію дошло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной русскими 20 мая при Ирджарѣ, надъ бухарскимъ эмиромъ, и преждевременный слухъ о завоеваніи ими Самарканды, общее чувство выразилось приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Насъ не должно безпокоить возможное паденіе Бухары, или даже Кабула, и водвореніе русскихъ у нашихъ воротъ; лучше граничить съ благоустроеннымъ государствомъ, нежели съ двадцатию дикими племенами, которыя заставляютъ насъ предпринимать по двадцати экспедицій въ годъ, для наказанія ихъ за набѣги». Другое чисто практическое мнѣніе высказано было газетою «Lahore Chronicle»: «Нѣтъ худа безъ добра. Паденіе Бухары убѣдитъ наконецъ нашу администрацію въ необходимости пешауэрской желѣзной дороги». Это значило взяться за самую живую сторону вопроса. Англія, вынужденная присоединить къ своимъ индійскимъ владѣніямъ наслѣдіе Рунджетъ-Синга, приняла на себя, разумѣется, и обязательство, связаннаго съ этимъ затруднительнымъ наслѣдствомъ. Рунджетъ-Сингъ безъ труда завоевалъ афганскіе восточные округи, благодаря превосходству своей арміи, сформированной

для него европейскими офицерами. Но необузданная храбрость афганъ, неспособная подчиняться дисциплинѣ, требуемой войною на равнинѣ, брала перевѣсъ въ горахъ, гдѣ Рунджетъ не могъ съ ними состязаться. Правда, что онъ и не преслѣдовалъ ихъ тамъ. Бѣдные горцы, жившіе грабежомъ и неимѣвшие крупной собственности, не могли платить прямого налога, составляющаго первую заботу всякаго восточнаго правителя. Они брали поборы съ каравановъ, проходившихъ по ихъ ущелиямъ, считая это, по азіятскимъ понятіямъ, своимъ естественнымъ правомъ. Правительство, такое же дикое, какъ они сами, могло бы удержаться у нихъ, прощая имъ ихъ набѣги, но цивилизованное правительство не могло имѣть такой терпимости, и это вынуждало къ постоянному военному положенію, весьма убыточному для англоиндійскаго правительства.

Бросивъ взглядъ на карту Восточной Индіи, мы увидимъ, что англійскія владѣнія за Индомъ рѣзко ограничены наносною долиною, образующею довольно широкую полосу между горою и рѣкою, и имѣющею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до шестидесяти верстъ въ ширину; эта равнина прекращается у поворота Атока, притока Инда. Надъ всею этою равниною господствуетъ цѣпь обнаженныхъ и неприступныхъ горъ, вышиною мѣстами до 11,347 англійскихъ футовъ. Кофенскія горы образуютъ широкій полукругъ, и одна изъ нихъ возвышается насупротивъ Атока, а другая опирается на Индъ. Послѣдняя называется Махабанъ; это, какъ полагаютъ, древній Аорносъ, взятый Александромъ Македонскимъ. Пovyше Махабана индская долина представляется живописнымъ ущелиемъ, поражающимъ своею дикою красотою; здѣсь англійская граница удаляется отъ берега, и переходитъ, чрезъ густые лѣса Хазары, къ Кашмирской землѣ, къ этому роскошному саду, лежащему среди снѣжныхъ Гималайскихъ горъ. Кофенскія горы служатъ притономъ кровожаднымъ афганскимъ племенамъ, у которыхъ классически правильный типъ этой расы измѣненъ дикимъ образомъ жизни. Этихъ племенъ насчитываютъ до двадцати; главныя изъ нихъ вазири, африды, моманды и свати. Они никогда не признавали ни одного изъ правительствъ равнины, и раздѣлены на группы, независимыя одна отъ другой. У нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ есть султаны, но, большею частію, это пастушескія республики, изъ которыхъ самая замѣчательная, Сватъ, получила съ нѣкоторыхъ поръ опасное значеніе для пограничныхъ англійскихъ провинцій. Вазири и другія племена довольствовались набѣгами на долину, за которыми обыкновенно слѣдовало строгое возмездіе, неимѣвшее впрочемъ политическаго характера, но племя свати, повидному, несклонное ни къ разбоямъ, ни къ набѣгамъ, приняло на себя роль официальнаго поборника исламисма въ восточномъ Афганистанѣ. Начальникъ этого племени, или *ахондъ* (врачъ), выдалъ себя за реформатора, или, вѣрнѣе, за апостола, призваннаго оживить и очистить охладѣвшую вѣ-

ру. Свѣтская власть его ничтожна, но духовная признается безусловно отъ Инда до Джеллабада. Онъ окружилъ себя слѣпо преданными сеидами, которыхъ посылаетъ убивать подозрительныхъ ему людей. Обыкновенно жертвою этихъ злодѣйствъ бывають пограничные англійскіе офицеры, особенно ревностно заботящіеся объ очищеніи своихъ округовъ отъ наводняющихъ ихъ воровъ и убійцъ. Такъ какъ мохамедане вообще имѣють весьма смутное понятіе о нравственности внѣ предписаній корана, то всѣ разбойники, казнимые англоиндійскимъ правительствомъ, возводятся въ мученики за исламъ, ту-поумными ихъ единовѣрцами, которые даютъ клятву отмстить за кровь осудившему ихъ англійскому комиссару и депутату. Поэтому англичане очень не любятъ, когда ихъ назначаютъ на службу въ этотъ край, въ особенности въ Пешауэръ и въ Хотти-Мерданъ.

Однако англійское правительство едва ли приняло бы рѣшительныя мѣры для наказанія племени свати, если бы явилось не одно обстоятельство, прямо угрожавшее британской власти въ Индіи. Вахабизмъ*), взволновавшій всю Аравію и Египетъ, проникъ и въ мусульманскую Индію, распространяемый тамъ арабскими партизанами, наполняющими арміи мѣстныхъ владѣтелей, особенно въ Низамѣ. Стѣняемый англійскою властію, въ своей неистовой пропагандѣ противъ господства невѣрныхъ, онъ организовался въ тайное общество, и самые пылкіе изъ его приверженцевъ образовали колонію въ Суттанѣ, на нейтральной землѣ, въ Банейрскомъ государствѣ. Въ этой колоніи не столько занимались реформою вѣры; сколько средствами возобновить попытку 1857 г. Суттана, стоящая на Индѣ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ англійской границы, сдѣлалась главнымъ пунктомъ весьма опасной агитаціи, какъ для цѣлаго полуострова, такъ въ особенности для провинцій Пешауэра и Хазара, недавно занятой англичанами. Племя свати, въ Банейрѣ и въ самомъ Сватѣ, ждало только знака отъ своего ахонда, что бы начать непріязненныя дѣйствія около Махабана. Ахондъ, при всемъ своемъ фанатизмѣ и безстыдствѣ, имѣлъ на столько дальновидности, что бы понимать, что слишкомъ сильные вызовы побудятъ англичанъ занять сватскую долину, и такъ утвердился въ ней, что всѣмъ соединеннымъ племенамъ не удалось бы потомъ вытѣснить ихъ. Онъ вовсе не желалъ, что бы дѣло заходило такъ далеко, и всегда старался охранять своимъ вліяніемъ англійскую границу. Но въ Суттанѣ умы были такъ возбуждены, что ахондъ сталъ опасаться, какъ бы его ученики не увлекли за собою толпу, вопреки его желанію. Что бы не дать опередить себя, онъ сталъ поощрять къ движенію, которое до той поры явно порицалъ, и побудилъ Суй-

*) Ученіе, распространяемое особою мохамеданскою сектою.

ную молодежь и фанатиковъ долины идти на помощь къ Суттанѣ, которой угрожала тогда англійская дивизія, выступившая въ походъ въ декабрѣ 1863 г. Это движеніе могло имѣть всего одинъ исходъ. Англичане, вмѣсто того, что бы пойдти страшнымъ ущеліемъ, вдоль котораго протекаетъ Индъ ниже Суттаны, и гдѣ даже пастухи могли бы совладать съ ними, скатывая на нихъ съ высотъ обломки скалъ, перешли поперегъ банейрскую долину, и, спустившись къ Суттанѣ, разсѣяли сектаровъ, сожгли городъ и возвратились въ свои укрѣпленія. Жители Суттаны бѣжали къ ахонду и поселились на землѣ, которую тотъ отвелъ имъ за наличныя деньги; но въ слѣдующемъ году, когда имъ нечѣмъ было заплатить за аренду, онъ безжалостно прогналъ ихъ. Апостоль разоблачился, и показалъ въ себѣ корыстолюбиваго горца.

Но какъ ни полезно было для англичанъ истребленіе этого важнаго центра мятежа, однако оно не имѣло сильнаго правительственнаго дѣйствія. Въ слѣдующемъ же году, когда губернаторъ Пенджаба объѣзжалъ, съ сильнымъ конвоемъ, Пешауэрскую провинцію, горцы осыпали его пулями съ высоты скалъ, при проѣздѣ у подошвы Банейрскихъ горъ. Желаніе поскорѣе укротить всѣ эти разбои породило смѣлую мысль, легко выполнимаю при настоящемъ истощеніи Афганистана. Такъ какъ эмиръ Кабула оказался безсильнымъ охранять свою восточную границу, то англичане могли бы замѣнить его, занять провинцію Джеллалабадъ, и прочно утвердившись въ ней, грозить съ фланга дикимъ племенамъ, которыя были бы тогда вдвинуты въ англійскія владѣнія, а не граничили съ ними, какъ теперь. Занятіе Джеллалабада было бы сильною, радикальною мѣрою, но настоящее индійское правительство очевидно не склонно къ такимъ мѣрамъ, въ особенности со времени неудачнаго бутанскаго похода. Легко доказать однако, что это усиліе не потребовало бы большихъ средствъ, чѣмъ экспедиція въ Умбейлу, которую придется повторять каждыя восемь, десять лѣтъ, если не примутъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Затрудненіе состоитъ не въ самомъ вторженіи, которое было бы только военною прогулкою, а въ занятіи и организаціи присоединенной страны. Пришлось бы привлечь къ себѣ ея населеніе, побѣдить сопротивленіе, сдѣлать не вредить законнымъ его интересамъ. Надо полагать, что государь Кабула, будь это Ширъ-Али, или его братъ, имѣетъ достаточно затрудненій въ своемъ собственномъ дворцѣ и въ кругу своихъ приближенныхъ, что бы впутываться еще въ столкновеніе съ своими могущественными сосѣдями. Во всякомъ случаѣ, его нейтралитетъ легко купить какими нибудь услугами, денежными жертвами, или военными снарядами, предложенными кстаті. Въ особенности слѣдуетъ избѣгать раздраженія туземной аристокраціи, всѣхъ этихъ феодальныхъ бароновъ, гнѣвдящихся въ своихъ полуразрушенныхъ замкахъ, на поворотѣ каждаго ущелія. Эти представители един-

ственного опаснаго живучаго элемента афганской націи, прежде всего военной и феодальной, къ кому расположены они, расположены и вассалы ихъ, потому что въ этомъ краю плебей болѣе гордится отличіями своего эмира, нежели признателемъ за добро, сдѣланное лично ему. Привыкнувъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, видѣть въ центральной власти врага и притѣснителя, онъ не взмываетъ къ новому властелину, котораго посылаетъ ему судьба, и покоряется ему съ тоскливымъ ожиданіемъ. Если его притѣсняютъ менѣе прежняго, онъ тотчасъ усматриваетъ разницу, и благословляетъ Аллаха; онъ безгранично радъ, когда о немъ позабываютъ; а если, паче чаянія, о немъ заботятся, помогаютъ ему хлѣбомъ, во время голода, лекарствами во время эпидеміи, то онъ уже не знаетъ, что и думать. Слишкомъ невѣжественный, что бы понимать возвышенную сторону европейской филантропіи, онъ однако проникается къ ней невольнымъ уваженіемъ. Вообще прочная и сильная организациа новоприсоединенныхъ провинцій не представила бы англичанамъ серьезныхъ затрудненій: въ Пенджабѣ и въ Раджпутанѣ имъ приходилось бороться съ гораздо большими препятствіями.

Но какъ ни желательна такая мѣра, въ интересахъ населенія еще болѣе, чѣмъ въ виду обезпеченія англоиндійской границы, есть другая еще необходимѣе: это, какъ мы уже сказали, предполагаемая желѣзная дорога изъ Лахора въ Пешавэръ. Оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ неоспоримую коммерческую пользу этого проекта, довольно бросить взглядъ на карту Индіи, что бы убѣдиться въ его политической стратегической выгодѣ. Вопросъ о быстротѣ передвиженія войскъ имѣетъ особенную важность на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ Индостанъ, гдѣ только нѣсколько серьезныхъ походовъ требуетъ передвиженія войскъ на разстояніи трехъ сотъ, четырехъ сотъ миль. До этихъ поръ, во избѣжаніе внезапной необходимости высылать изъ Аграма или Мхова къ Инду семи, восьми тысячный корпусъ въ самое нездоровое время года, приходилось скоплять позади этой рѣки, отъ Хазари до Буно, многочисленные полки, жившіе тамъ среди неблагоприятныхъ гигиеническихъ условий. Но и этихъ войскъ достаточно только въ мирное время; въ случаѣ кризиса, они требуютъ немедленнаго подкрѣпленія; вотъ почему общественное мнѣніе во всей западной Индіи такъ настаиваетъ на продолженіи до Пешавэра желѣзной дороги, проведенной изъ Калькутты въ Дельхи, и по которой уже началось движеніе отъ Амрицыра до Лахора. Первый, несмотря на свое званіе узднаго городка, имѣетъ 300,000 жителей, и служитъ послѣ Кашмира главнымъ центромъ издѣлія кашмирскихъ тканей. Что касается Лахора, то его значеніе чисто политическое. Это столица Пенджаба, административный и военный центръ западныхъ провинцій.

Продолженіе сѣверной линіи къ Пешавэру, на протяженіи

276 миль, представило бы не болѣе затрудненій, чѣмъ уже про-
веденная часть между Дельхи и Амрицпромъ. Здѣсь также при-
шлось бы имѣть дѣло съ потоками, которые въ большую часть
года представляютъ сухое русло, но страшны въ ту пору, ког-
да таютъ гималайскіе снѣга; мосты черезъ эти рѣки, и черезъ
Индъ при Атокѣ, были бы единственными работами, по всей
этой линіи, которыя потребовали бы значительныхъ издержекъ.
Населеніе громко требуетъ этой линіи, понявъ ея выгоды, и
администрація дала уже свое согласіе. Во время моего пребы-
ванія въ Пенджабѣ, въ іюль 1866 г., г. Маклеодъ, губерна-
торъ этого края, уже послалъ проектъ къ вице-королю, нахо-
дившемуся въ то время въ Силтѣ. Ждали рѣшенія, не сомнѣ-
ваясь, что оно будетъ благоприятное. Положеніе дѣлъ въ Тур-
кестанѣ и въ Афганистанѣ требуетъ, что бы за это предпріятіе
взялись, не откладывая и, вѣроятно, лѣтъ черезъ пять или шесть,
непрерывная линія рельсовъ отъ Калькутты до Пешауэра дастъ
возможность доставлять въ нѣсколько дней отъ десяти до со-
рока тысячъ человекъ на тѣ пункты, гдѣ въ нихъ окажется
надобность. Это улучшеніе особенно оцѣнится давнишними жи-
телями Индіи, которые помнятъ, какъ двадцать лѣтъ тому на-
задъ, на такой переходъ войска требовалось два мѣсяца, не говоря
уже объ утомленіи, болѣе убійственномъ, чѣмъ непріятельскія
пули. Англоиндійская армія, сильная, смѣлая, самоувѣренная,
достаточно снабженная провизіею и быстро передвигаемая, бу-
детъ спокойно ждать угрожающаго ей опаснаго столкно-
венія.

Замѣчательно, что публицисты, толкующіе о возможности
англорусскаго столкновенія въ Средней Азій, предвидятъ толь-
ко вторженіе русскихъ въ англоиндійскія владѣнія, а никто
изъ нихъ не упоминаетъ о возможности вторженія англичанъ
въ Азіатскую Россію. Дѣйствительно, трудно себѣ представить
такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ подобное пред-
пріятіе могло бы быть, не говоря уже нужнымъ, но даже за-
служивающимъ оправданія, съ точки зрѣнія самой простой
осторожности. Англія, довольная тѣмъ, что обезпечила свои бо-
гатія владѣнія въ Индіи, конечно не помышляетъ рисковать
ими для пріобрѣтенія еще большаго, и обвиненія нѣкоторыхъ
журналовъ, будто она постоянно пытается расширить свою
власть въ Азій, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Ее не
только нельзя обвинить въ посягательствѣ на свободу туземцевъ,
но скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что она, ради финансо-
ваго разсчета, избѣгаетъ присоединеній, которыя могли бы
служить ко благу индійскаго населенія и къ пользѣ цивилиза-
ціи. Достаточно видѣть проѣздомъ эту страну, что бы убѣ-
диться, какъ мелкіе деспоты, въ родѣ кашмирскаго махараджи,
бхавульпурскаго набоба и пр. притѣсняютъ самый смиренный и
трудолюбивый изъ восточныхъ народовъ. Право, можно поду-
мать, что Англія, изъ политическаго разсчета, терпитъ этихъ

разбойниковъ среди своихъ индійскихъ владѣній, съ тѣмъ, что бы дать возможность сравненія, и заставить своихъ подданныхъ цѣнить дѣйствительно образцовую администрацію, которою они пользуются. Впрочемъ этотъ важный вопросъ нельзя разбирать мимоходомъ; здѣсь достаточно сказать, что Англія уже двадцать лѣтъ слѣдуетъ въ Индіи исключительно оборонительной политикѣ, въ которой ничто не предвѣщаетъ переменъ. Если между нею и Россіею послѣдуетъ столкновеніе въ Средней Азій, то не иначе какъ въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи. Здѣсь представляются два важные вопроса: было ли бы полезно для Россіи завоеваніе Индіи, и было ли бы оно для нея легко или даже возможно? На счетъ перваго не можетъ быть и сомнѣнія: Индія всегда была и будетъ лучшею частію Азій, можно сказать даже и Европы. Правда, что минеральные богатства ея незначительны, — правда, что ея худо защищенные берега не благопріятствуютъ развитію мореходства, но зато ея плодородныя равнины, орошаемыя двумя стами рѣкъ и миллиономъ ручьевъ, ея роскошныя пригорья, очень благопріятно расположенныя, даютъ пропитаніе двумъ стамъ миллионамъ жителей. Случалось, что и не столь сильныя государства, какъ Россія, соблазнились менѣе богатою добычею, не говоря уже, что въ Европѣ могутъ произойти такія усложненія и столкновенія, которыя дополнятъ заманчивость завоеванія Индіи, удовольствіемъ нанести самый чувствительный ударъ враждебной державѣ. Словомъ, нельзя и отрицать, что для Россіи было бы выгодно перейти за Индъ; другое дѣло: исполнимо ли такое предпріятіе? Этотъ щекотливый вопросъ требуетъ тщательнаго изслѣдованія.

Читатель конечно замѣтилъ, что мы, съ своей стороны, не слишкомъ вѣримъ возможности вторженія Россіи за Индъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ столѣтіи. Тотъ, кто хочетъ изслѣдовать эти вопросы, долженъ, за недостаткомъ свѣдѣній изъ министерствъ, разсчитать все случайности, основываясь на дѣйствіяхъ того правительства, котораго мысль онъ хочетъ проникнуть. Примѣняя этотъ методъ къ русской политикѣ въ Средней Азій, мы не открываемъ въ ней большой жадды завоеваній. Мы уже показали, что русскія завоеванія въ Туркестанѣ имѣли чисто оборонительный характеръ. Увлекаемая тою же необходимостію, Россія идетъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ, къ поглощенію всего Туркестана; но доказательствомъ, какъ мало значенія придаетъ она этому дѣлу, служитъ ограниченное число ея военныхъ силъ въ этомъ краю, сравнительно съ ея арміею на Кавказѣ, до взятія въ плѣнъ Шамиля. Русская армія, завоевавшая половину Кокана и вступавшая въ Бухару, никогда не превышала трехъ тысячъ человекъ, не считая эскадроновъ *джигилей* (киргизовъ на русской службѣ). Этой силы конечно вполне достаточно противъ нестройныхъ дикихъ ордъ, но она была бы ничтожна противъ войска съ хорошимъ ору-

жизнь и дисциплиною. Впрочемъ, многіе серьезные люди опасаются, какъ бы Россія не пошла, въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, источникъ денегъ и солдатъ, въ пополненіе тѣхъ, которые уже есть у нея, и благодаря которымъ она такъ страшна на западѣ и на востокѣ. Основательны ли эти опасенія? Относительно запада, эти отдаленныя приобрѣтенія не прибавляютъ ровно ничего къ наступательнымъ силамъ Россіи. Завоевавъ весь Туркестанъ, Россія увеличилась бы только пространствомъ земли, равняющемся числомъ народонаселенія Молдаво-Валахія, а богатствомъ, одной Молдавіи. Будь это дѣйствительно Румынія, а не ханства узбековъ, Европа имѣла бы основаніе тревожиться такимъ приобрѣтеніемъ, которое дало бы завоевателю превосходную военную позицію, теченіе и устья самой большой изъ западныхъ рѣкъ, и, въ дополненіе, источникъ превосходныхъ солдатъ; но представляютъ ли берега Окса что нибудь подобное? Провинціи, истощенныя на много лѣтъ впередъ негодными правительствами, удаленныя отъ центра государства, отчего управленіе ими обходится весьма дорого; земля, которая едва ли черезъ 30—40 лѣтъ вознаградитъ завоевателей, за издержки на занятіе ея; мирное, пассивное населеніе, безъ всякой воинственности, отъ котораго Россія, разумѣется, долго еще ничего не потребуетъ, кромѣ мѣстной милиціи, въ родѣ мингрельскихъ корпусовъ, мобилизованныхъ въ 1855 г., во время вторженія Омеръ-паши. Правда, что казанскіе и астраханскіе татары, находящіеся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и туркестанскіе таджики, несутъ рекрутскую повинность, и снабжали русскую армію, во время крымской войны, такими же надежными солдатами, какъ и часто русскіе; но Казань и Астрахань уже три вѣка присоединены къ Россіи, и тамъ уже имѣла время привиться ея дисциплина. Конечно, черезъ триста лѣтъ, и Бухара будетъ давать Россіи хорошихъ солдатъ. Но возвратимся къ среднему Востоку, и посмотримъ, какъ велика возможность столкновенія между европейскими державами, которыя, какъ предвидятъ, будутъ спорить за господство въ этихъ краяхъ.

Въ Азій, Россія и Англія находятся, въ отношеніи къ дикимъ племенамъ, въ томъ же самомъ положеніи, какое занимала на Рейнѣ и Дунаѣ древняя римская имперія во время первыхъ цезарей, когда Риму достаточно было одного съ половиною легіона, для обезпеченія безопасности своихъ границъ и для подавленія еще не совсѣмъ покоренной Галліи. Между этими двумя положеніями есть только та разница, что имперія, при своихъ ограниченнѣйшихъ средствахъ, не могла занять наступательнаго положенія, что иногда бывало необходимо, и когда приходилось проникать въ этотъ таинственный германскій или сарматскій міръ, тогда требовалась армія вѣнгеро сильнѣе постоянной. Такимъ образомъ были подготовлены побѣды Тиверія, Германика и Проба. Теперь же, благодаря огромному превосходству евро-

*

пейскихъ войскъ надъ худо вооруженными азіятскими арміями, гарнизонные корпуса могутъ, даже находясь на мирной ногѣ, отразить непредвидѣнное нападеніе. Мы уже упоминали о политическомъ законѣ, имѣющемъ всю силу закона физическаго, и обязывающемъ просвѣщенные державы, поставленныя на Востокъ въ соприкосновеніе съ дикими племенами, постоянно подвигаться впередъ и постоянно дѣлать новыя завоеванія, въ предохраненіе прежнихъ. Этотъ законъ можно назвать роковымъ; онъ не имѣетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписываются побѣдительно обстоятельствомъ. Мы уже видѣли, что Англія, подобно Франціи въ Марокко, строго держится оборонительнаго положенія, искупая, такъ сказать, этою похвальною умѣренностію, чрезмѣрную жажду присоединеній, руководившую, тридцать лѣтъ тому назадъ, остѣиндскою компаніею. Россія, напротивъ того, постоянно подвигается впередъ, съ неотразимою силою стихій, и будто съ разсчитанною медленностію для того, что бы не возбудить слишкомъ большихъ опасеній. Покоряется ли она закону, о которомъ я говорилъ, или прикрывается имъ для достиженія своихъ цѣлей? Можно, безъ клеветы, остановиться на послѣднемъ предположеніи: Россія дѣйствуетъ не совсѣмъ пассивно въ этой войнѣ. Циркуляръ князя Горчакова, такъ внезапно открывшій глаза Европѣ на положеніе дѣлъ въ Туркестанѣ, очевидно манифестъ завоевателя, подготавлиющій умы къ неизбѣжному факту, близкому покоренію Средней Азіи. Остановится ли на этомъ Россія? что для нея Бухара? цѣль ли, или только станція на пути къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ? Вотъ въ чемъ великій вопросъ!

Нѣкоторые думаютъ, что завоеваніе Индіи вмѣнится Россіи силою обстоятельствъ. Если бы, говорятъ они, завоеваніе Средней Азіи было единственною цѣлью русскихъ въ этой странѣ, то выгоды этого пріобрѣтенія были бы не соразмѣрны съ принесенными для него жертвами; но этотъ доводъ могъ бы имѣть нѣкоторый вѣсъ, если бы онъ не былъ основанъ на ошибкѣ, состоящей въ томъ, что мы привыкли считать всякую малоизвѣстную, отдаленную страну, бѣдною дарами природы, недостойною нашего вниманія. Большинство образованныхъ людей еще вѣрять существованію абиссинскихъ «пустынь», тогда какъ въ Абиссиніи въ пятнадцать разъ менѣе неводѣланной земли, чѣмъ во Франціи, и существованію «песковъ» въ экваторіальной Африкѣ, которой агрономическое положеніе между тѣмъ почти такое же, какъ и въ Тосканѣ. Тоже самое можно сказать и о туркменской странѣ. Читатель, бросающій поверхностный взглядъ на карту Азіи, видитъ въ Туркестанѣ только продолженіе на югъ болотъ и снѣговъ Сибири. Многіе просвѣщенные люди были очень удивлены, когда, восемь лѣтъ тому назадъ, русскіе смѣнили китайцевъ на коканской границѣ, и одинъ географъ пояснилъ, что ихъ новое поселеніе лежитъ на одной широтѣ съ Флоренціею, и почти среди такихъ же благоприят-

ныхъ климатическихъ условій, какъ и Италія. Мы уже описали вратцѣ источники богатства и производительныя силы узбекскихъ ханствъ, которыя служатъ въ настоящее время театромъ русскихъ операцій. Восточная Бухара, которую ожидаетъ въ близкомъ будущемъ, та же участь, какъ ея сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей, представляетъ, можетъ быть, даже болѣе приманокъ завоевателю: просвѣщенное европейское правительство нашло бы здѣсь поле дѣятельности на много вѣки. Если Англія извлекла столько пользы изъ такой сравнительно бѣдной страны, какова Австралія, то чего же нельзя ожидать отъ такихъ богатыхъ странъ, какъ Кашгаръ, Яркандъ и Бухара, въ сильныхъ организующихъ рукахъ Россіи?

Уже одно это соображеніе достаточно успокоительно, такъ какъ оно доказываетъ, что возможность столкновенія Россіи съ Англіею еще очень далека, хотя и нельзя совсѣмъ отрицать ее. Конечно, въ силу закона географическаго расширенія, онѣ, постоянно сблизаясь, встрѣтятся рано или поздно лицомъ къ лицу въ Средней Азій. Многие полагаютъ, что, во избѣжаніе столкновенія, между ними должна лежать непреступаемая граница, хорошо организованная оборонительная сила. Это совершенно справедливо. Такою границею не можетъ быть рѣка, потому что рѣки не предохраняютъ отъ вторженія, а способствуютъ тому, служа ему путемъ. Франція и Германія знаютъ по опыту, какую ненадежную границу служить имъ Рейнъ. Русская армія, пролагавшая себѣ нѣсколько мѣсяцевъ путь, въ 1828 г., чрезъ балканскіе проходы, въ Болгарію, и похоронившая тамъ сто тысячъ солдатъ, шутя переправилась черезъ Дунай на такомъ пунктѣ, гдѣ крѣпости Мачинъ, Тульча и Исакча могутъ, если не перекрещивать свой огонь, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать имъ сообща. Цѣпь горъ служитъ самою неприступною границею, въ особенности такая, какъ Пириней, Альпы или Балканскія горы; а что же сказать о такомъ колоссальномъ поясѣ льдовъ и вѣчныхъ снѣговъ, какъ Гималайскія горы, господствующія на десять тысячъ футовъ надъ цѣлою арміею вершинъ, передъ которыми Монъ-Бланъ и Сентъ-Бернаръ не болѣе какъ холмы? Вотъ гдѣ естественный оплотъ Индіи, — оплотъ испытанной надежности, такъ какъ сѣверная граница Индіи не нарушалась уже въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ вѣковъ. Гималайскія горы неприступны, но развѣ нельзя ихъ обогнуть? — Съ восточнаго конца невозможно, потому что онъ оканчивается въ глубинѣ Индокитая, въ совершенно неизвѣстной части Азій. А съ запада? — Здѣсь вопросъ становится важнѣе, и мы опять приходимъ въ Афганистанъ, такъ какъ эта гималайская цѣпь оканчивается въ афганскихъ странахъ. Дѣйствительно, Афганистанъ служилъ путемъ всѣхъ вторженій въ Индію, отъ временъ Махмуда гизнійскаго, до монголовъ и афгановъ.

Прежде чѣмъ разсматривать съ стратегической точки зрѣнія

возможность вторженія русскихъ въ Индостанъ, чрезъ афганскую долину, мы замѣтимъ, что стратегія, какъ и баллистика, должна принимать въ расчетъ то, что у физиковъ называется первоначальною быстротою, и причины, которыя могутъ ослабить ее. Истребительная сила заряда, при выходѣ изъ орудія, и разстояніе, на которомъ эта сила должна уменьшиться на половину, или совершенно прекратиться, вычисляются математически. Конечно, нельзя вычислить съ такою же математическою точностію шансы успѣха нападающей арміи, такъ какъ, при всѣхъ столкновенияхъ большихъ массъ людей, слѣдуетъ ожидать непредвидѣнныхъ элементовъ, нарушающихъ отвлеченную простоту математическихъ вычисленій; но, оставляя въ сторонѣ эти неизбежныя случайности, нельзя упускать изъ вида физическій законъ разстояній, въ особенности въ занимающей насъ гипотезѣ. Люди, неслишкомъ знакомые съ географіею Азіи, видятъ, при взглядѣ на карту, что русская граница отстоитъ всего на шесть градусовъ широты отъ англійской Индіи, что составляетъ разстояніе отъ Парижа до Новары, и, можетъ быть, думаютъ, что это разстояніе такъ же легко пройти, какъ прошли то французы, во время италіянскаго похода 1859 г. Но это совершенно ошибочно. Между собственно Россіею, кончающеюся Оренбургскою губерніею, и ея новыми приобрѣтеніями въ Туркестанѣ, лежитъ страшная Киргизская степь, обнаженная, съ тощею растительностію, съ колодцами солоноватой воды. По ней гарцуютъ толпы степныхъ всадниковъ, но русская армія погибла бы въ ней, какъ гибли когда то арміи Дарія и Камбиза, если бы русское правительство не завело мѣстами станицъ, которыя служатъ для солдатъ тѣмъ же, чѣмъ каравансеран для путешественниковъ. Киргизская степь имѣетъ пятьсотъ верстъ въ ширину, и лежитъ между Оренбургомъ и Аральскимъ фортомъ, гдѣ стоитъ сырдарьинская флотилія:

Можно утверждать, что армія, отправленная въ Индію изъ Европейской Россіи, чрезъ Оренбургъ и Бухару, утратила бы, еще не достигнувъ береговъ Аральскаго озера, свою первоначальную силу, столь важную при наступательномъ движеніи. И такъ, эта гипотеза оказывается несостоятельною; разсмотримъ другую. Русское правительство подготовитъ себѣ, можетъ быть, въ самомъ Туркестанѣ, во время мирнаго владѣнія этимъ краемъ, сильную хорошо дисциплинированную армію, вполне привыкшую къ климату, и тогда уже осуществить свои планы на Индію. Но и это наиболѣе вѣроятное предположеніе разбивается о непреодолимыя препятствія. Предположимъ, что русскіе расположились на берегу Окса, противъ афганскихъ передовыхъ постовъ, въ Килифъ или въ Термъ, и приготовляются идти на Индію. Взглянемъ на карту. Разстояніе отъ Окса до Пешауэра составляетъ всего около 130 миль, т. е. на четверть менѣе, чѣмъ отъ Парижа до Бреста. Такое разстояніе ничтожно для арміи,

проходящей по дружественной странѣ, но трудно предположить такіе выгодные шансы, что афганскій народъ и правительство его дадутъ доступъ русской арміи въ свои земли, изъ ненависти къ англичанамъ. Допустимъ однако и это. Но очевидно, что, при первомъ же движеніи Россіи за Оксъ, англоиндійская армія вступитъ въ Кабуль, и постарается добраться ускореннымъ маршемъ до горъ, занятіе которыхъ дозволитъ ей совершенно отрѣзать дальнѣйшій путь непріятелю. Дорога отъ Окса къ Инду пересѣкается посредию очень высокою цѣпью горъ, горамъ Инду-Кохъ. Что бы дать понятіе объ этой дорогѣ, напомнимъ путь изъ Бордо въ Сарагоссу, чрезъ Пиринеи. Представимъ себѣ французскую армію, вышедшую изъ Бордо, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Испанію чрезъ Арранскую долину. Эта армія пройдетъ нѣсколько переходовъ по гвиенской равнинѣ, и поднимется до истоковъ Гаронны, тогда какъ непріятельская армія, выступя съ береговъ Эбро и поднимаясь вдоль Сегры, ускоритъ путь, что бы прибыть первою къ пиринейскимъ проходамъ, и занять ихъ передъ непріятелемъ. Совершенно тоже самое произошло бы, при описываемомъ случаѣ, и въ Средней Азій.

Перейдя Оксъ, доходишь дня черезъ три, четыре, по плоской, плодородной и воздѣланной странѣ, до Балхы и Хулума, двухъ значительныхъ городовъ, служащихъ мѣстопробываніемъ могущественному афганскому эмиру, котораго номинальная власть простирается до границъ Китайской Татаріи.

Что бы не потерпѣть отъ вторженія, этотъ эмиръ посиѣбитъ, вѣроятно, вступить въ переговоры, продать свой союзъ, и открыть путь чрезъ свои владѣнія, т. е. вдоль всей хулумской равнины до баміанскихъ переходовъ. Но если бы онъ предпочелъ защищаться, къ чему англичане могли бы побудить его, обѣщаніемъ помощи, или денегъ, то онъ могъ бы, съ однимъ своимъ войскомъ, нанести чувствительныя потери непріятелю, вступившему въ опасныя гейбакскіе проходы, въ двѣнадцати миляхъ отъ Хулума. Эти проходы извѣстны подъ именемъ Дара-и-Зинданъ, т. е. «долина тюрьмы.» Это узкое ущелье, извивающееся между остроконечными утесами, нѣрѣдко сажень въ 150 вышины, увѣчно развалившимися укрѣпленіями. Въ 37 миляхъ отсюда начинается страшное ущелье, прозванное Данданъ-Шиканъ (зубаломъ), котораго очень боятся караваны, и которое ведетъ въ прелестную Камардскую долину, полную садовъ и плантацій. Три небольшіе переходы, по воздѣланной странѣ, ведутъ къ третьему ущелью, Акрабадскому, вышиною въ 1,700 сажень надъ поверхностію моря. Это ущелье доступно фургонамъ и артиллеріи, и изъ него вступаютъ, послѣ четырехчасоваго пути, въ знаменитую Байманскую равнину, которая служитъ стратегическимъ ключемъ ко всей этой линіи.

Между тѣмъ, англійская армія, собравшаяся въ Джелалабадъ, не оставалась бы въ бездѣйствіи. Пространство между Джелалабадомъ и Баміаномъ нѣсколько короче пространства

отъ Баміана до Окса. Оно представило бы сверхъ того англичанамъ огромную выгоду хорошо извѣстнаго имъ пути (они прошли его дважды, тридцать лѣтъ назадъ). Понятно, что проходы индійскаго Кавказа, занятые тридцатью тысячами лучшихъ изъ европейскихъ солдатъ, почти недоступны съ фронта. Для успѣха вторженія, нужно, что бы походъ на Кабуль чрезъ Баміанъ былъ только демонстраціею, съ цѣлію занять обороняющій корпусъ, а что бы главное усиліе было направлено на самый Инду-Кохъ, посредствомъ арміи, которая направилась бы изъ Хулума, Кудузскою долиною, по діагональной линіи, къ Индерабскимъ горамъ, гдѣ семь, проходимыхъ лѣтомъ, ущелій открываютъ караванамъ путь въ Кабульскую долину. Въ такомъ случаѣ, русская армія перерѣзала бы, между Джеллалабадомъ и Кабуломъ, англійскую операціонную линію. Но для того, что бы эта вторая русская армія не была, въ свою очередь, прижата, при первомъ же пораженіи, къ оврагамъ Инду-Коха, для того, что бы она не попала въ засаду, или не была истреблена по одиночкѣ горцами, необходимо содѣйствіе третьей арміи, которая, поднявшись вдоль Окса чрезъ Бадакшанъ и знаменитые рудники рубина и лапистъ-лаццули, прошла бы горы Шаттбойскимъ ущельемъ, и тремя Зебакскими ущельями и спустилась вдоль рѣки Шитраль, стараясь расположить къ себѣ туземное населеніе Кунаура, Баяура, Дхеира и, въ особенности, племя свати, которое, изъ ненависти къ англичанамъ, конечно сочувствовало бы нападающимъ на нихъ. Надѣмся, что насъ не обвинять въ преувеличеніи трудности предпріятія, или въ умолчаніи о благопріятныхъ шансахъ, которые оно можетъ встрѣтить; допуская послѣдніе, описанная нами тройная операція потребуетъ около 120,000 человекъ. Что касается англоиндійскаго правительства, то, дѣйствуя въ странѣ, съ которою она уже освоилась, имѣя надежный операціонный базисъ и обеспеченное отступленіе, оно могло бы ограничиться противупоставленіемъ 80,000 солдатъ. Хотя выставить въ Афганистанъ 80,000 солдатъ—дѣло немаловажное, но все же оно не потребовало бы чрезвычайныхъ усилій у англоиндійскаго правительства, прочно утвердившагося въ Индіи, и имѣющаго въ своемъ распоряженіи сѣть желѣзныхъ дорогъ. Много лѣтъ пройдетъ еще прежде, чѣмъ Россія станетъ въ такія же условія въ Средней Азіи:

Въ одномъ только случаѣ нападеніе русскихъ,—которое я продолжаю считать чистою химерою,—могло бы имѣть нѣкоторый шансъ успѣха: это въ томъ, если бы Россія, полная властительница въ Афганистанѣ, и имѣвъ достаточно времени для подготовленія атаки, выслала на Лахоръ разомъ три арміи, изъ Кабула, Гизни и Баяура, хорошо вооруженныя, и въ изобиліи снабженныя всѣмъ необходимымъ. Тогда побѣда ея была бы возможна,—пе говорю вѣроятна, такъ какъ передъ русскими стояла бы англійская армія съ испытанными офицерами; но для

этого предположенія нужно допустить одно невозможное условіе: именно что бы Афганистанъ превратился въ нѣсколько мѣсяцевъ въ русскую провинцію. Афганы, единственный народъ въ Азіи, который можно назвать націею, единственное изъ азіатскихъ племенъ, внушающее уваженіе путешественникамъ. Честные, храбрые, гордые, они заставляютъ забывать силою своего характера его нѣсколько жесткія крайности. Для нихъ, слово—отечество имѣетъ смыслъ, что такъ рѣдко на Востоку. Худо вооруженные и не знающіе дисциплины, они могутъ сдѣлаться легкою добычею завоевателя, но трудность состояла бы для него въ томъ, что бы удержать завоеванное.

Англичане испытали это двадцать пять лѣтъ тому назадъ; ихъ ошибки и бѣдствія должны послужить урокомъ тому, кто рискнетъ разбить себѣ голову объ этотъ новый Кавказъ. Это мнѣніе нисколько не противорѣчитъ тому, что было сказано выше, о легкости, для англичанъ, занятія Джеллалабада, священной провинціи Кабульской имперіи,—провинціи, утомившейся междоусобною войною, подрывающею ея торговлю и промышленность, и сохранившей хорошую память объ англійскомъ занятіи 1840 г.; но Джеллалабадъ не Кабуль или Кандахаръ. Справедливость требуетъ прибавить, что для Англійи важны отношенія ея не къ одному Афганистану; она не должна упускать изъ вида еще одного государства, котораго имя звучитъ какъ то чуждо въ политикѣ: я говорю о Кашмирѣ. Знаменитая Кашмирская долина служитъ центромъ довольно значительнаго государства, значительнаго, въ особенности, по своему положенію, такъ какъ она прислонена къ Инду-Коху и къ Гималайскимъ горамъ. Этотъ край, когда то завоеванный Руджеть-Сингомъ, былъ отданъ остъиндской компаніею въ ленное владѣніе Гулабъ-Сингу, горному государю, имѣвшему благоразуміе примкнуть къ побѣдоноснымъ англичанамъ. Тотъ передалъ его своему сыну, Рамбиръ-Сингу, нынѣшнему кашмирскому махараджѣ. Его подчиненіе англичанамъ чисто номинальное; онъ пользуется самостоятельностью, имѣетъ даже право заирать свое государство для англійской торговли, посредствомъ непомерно высокихъ пошлинъ, взимаемыхъ съ крайнею строгостію.

Такія пошлины лежатъ даже на транзитной торговлѣ между Туркестаномъ и Тибетомъ. Махараджа Рамбиръ, вполне азіатскій государь по своей роскоши, разврату и корыстолюбію, правитъ своею страною съ такимъ деспотизмомъ, о какомъ не смѣлъ мечтать даже Тиверій, и питаетъ тайную ненависть къ англичанамъ, которыхъ благотѣльная администрація служитъ слишкомъ краснорѣчивою противоположностію съ хищнымъ деспотизмомъ махараджи. Пока Англійи не зачѣмъ тревожиться этою ненавистію, но, въ случаѣ кризиса, ей придется пожалѣть, что она, уступивъ въ 1849 г. финансовымъ соображеніямъ, предоставила управленіе такимъ краемъ мѣстной подозрительной династіи. Махараджа,—привратникъ Гималайскихъ

горъ со стороны китайскаго Туркестана, которымъ Россія не премпнетъ, рано или поздно, завладѣть. Тотъ, кто можетъ при-крыть границу, можетъ дать и ключъ къ ней, если увидить, что вторженіе русскихъ въ англійскія владѣнія послушаетъ его собственной враждѣ къ англичанамъ. Это соображеніе должно бы побудить Англію къ рѣшительной мѣрѣ, давно требуемой, и какъ ея собственной безопасностію, такъ и самимъ кашмирскимъ населеніемъ: къ полному присоединенію Кашмира. Армія махараджи, сформированная американскимъ офицеромъ (генераломъ Гарднеромъ) не опасна, пока ее не подкрѣпятъ русскіе баталіоны.

Впрочемъ, главная оборонительная сила Англій въ Индіи не въ войскѣ, а въ удивительной организаціи ея правитель-ства, въ благодѣяніяхъ, изливаемыхъ имъ на туземное населе-ніе, въ интересѣ, который имѣетъ оно въ томъ, что остается въ подданствѣ Англій.

Нужно видѣть въ документахъ, оставшихся отъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, какою участію испытывали индійскіе купцы во времена монгольскихъ императоровъ, патановъ и марат-товъ. Это лучший способъ оцѣнить прогрессъ Индостана подъ англійскою властію, въ отношеніи общаго и личнаго благосо-стоянія.

Возстаніе 1857 г. не доказываетъ, что Индія была недово-льна, или желала возстановленія своихъ туземныхъ государей; оно было ни что иное, какъ преторіанское движеніе, подъ пред-логомъ религіи, направленное, въ одно и то же время, противъ англійскаго господства и противъ индусскаго народа. Вино-виками этого мятежа были туземные аристократы, недовольные правительствомъ, которое не дозволяло имъ систематически обирать трудящееся сословіе. Большинство сипайевъ принадле-жало къ мелкому дворянству, обѣднѣвшему съ уничтоженіемъ злоупотребленій; остъиндская компанія открыла ему доступъ въ свою армію; дала ему этимъ средство честно приобрѣтать свой хлѣбъ сохраняя нѣкоторое обаяніе въ глазахъ туземцевъ. Первымъ дѣломъ сипайевъ, по возстановленіи въ Дельхи мон-гольской имперіи, въ лицѣ стараго Бахадуръ-шаха, было раз-зореніе лавокъ. Вотъ почему масса народа не приняла уча-стія, въ мятежѣ; теперь, какъ и тогда, къ непріятельской арміи, которая вторглась бы въ Индію, примкнули бы только немно-гіе законнѣе фанатики, бродяги и воры. Индусы, народъ кроткій, покорный, умный и смѣтливый, хорошо понимаютъ, что ни одно правительство не дастъ имъ такой личной свобо-ды, такого равноправія передъ закономъ, такой безопасности личности и собственности, какое даетъ англоиндійское.

При изученіи человѣческихъ отношеній, не слѣдуетъ слиш-комъ полагаться на умѣренность правительствъ, или на ихъ безкорыстную любовь къ человѣчеству; но можно полагаться на ихъ здравый смыслъ и на пониманіе представляемыхъ ими ин-тересовъ. Въ отношеніи къ Азіи, правила политической теоріи не

сложны. Трѣмъ или четыремъ европейскимъ державамъ, призваннымъ своими преданіями или политическимъ положеніемъ, играть роль въ Азіи, предстоитъ дѣло поважнѣе продолженія своихъ европейскихъ интригъ и соперничества; онѣ ничего не выиграютъ, воспитывая въ такихъ правилахъ китайцевъ, индусовъ, персіянъ и турокъ, не говоря уже о второстепенныхъ народахъ: Видь Азіи нужно измѣнить, какъ и видь Африки, и Европа должна сдѣлать это общими усиліями, такъ какъ одной европейской націи для этого недостаточно. Такого рода завоеваніе законно, но оно вмѣняетъ завоевателю важныя обязанности, относительно покоренныхъ народовъ, Англія отлично создала, и выполняетъ въ Индіи, эти обязанности. Россія на Кавказѣ вступила также смѣло на этотъ путь, и мы не можемъ не отдать справедливости ея усиліямъ. Недовѣріе, которое она возбуждаетъ въ Европѣ, не мѣшаетъ намъ видѣть услуги, оказываемыхъ ею просвѣщенію въ Азіи.